

327-1-0
117
1155

Handwritten signature

В. К. Арсеньевъ.

16241

Р 70
418

КИТАЙЦЫ

ВЪ

УССУРІЙСКОМЪ КРАѢ.

1900—1908 г.г.

*Handwritten: Турс
Рал.*

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 л., 28.

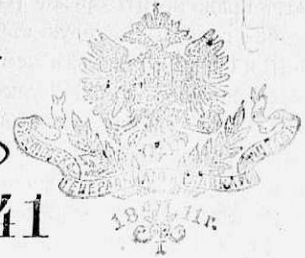
1915.

1155

801-16
1646

Р 70
418

16241

Ф 33-126

Китайцы въ Уссурійскомъ краѣ.

1900—1908 г.г.

(Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О. 25 февр. 1911 г.).

Уссурійскій край китайцы называютъ «Дунь-Да-Шань», что значитъ «Восточныя большія горы»... Мѣстные китайцы страну также называютъ «У-су-ли-Цзянь» т.-е. «Большая рѣка Усули». Усули — маньчжурская терминологія. Можно встрѣтить также названіе Уссурійскаго края и «Хай-енъ», что значитъ «Морское побережье».

Было бы ошибочно думать, что мы экономически владѣемъ Уссурійскимъ краемъ. Мы владѣемъ имъ только по Амуру, узкой полосой вдоль желѣзной дороги и на побережьи моря. Все же остальное пространство находится въ рукахъ китайцевъ. Тамъ сыны Небесной Имперіи царятъ полновластно, живутъ самостоятельно по своимъ законамъ, а инородцы находятся у нихъ въ полнѣйшемъ рабскомъ подчиненіи. Тазы и Орочи — это паріи у китайцевъ. Здѣсь можно видѣть рабство въ такомъ же безобразномъ видѣ, въ какомъ оно было когда то въ Америкѣ въ отношеніи къ неграмъ. Отниманіе дѣтей у матерей, насильная продажа женъ, наказанія плетьюми, безчеловѣчныя пытки и увѣчья — это обычныя явленія въ Уссурійскомъ краѣ.

«Да-цзы» по китайски значитъ «инородецъ, чужеземецъ». Русская терминологія — «тазы». Отсюда «Ю-пи-дацзы» (Ю — рыба, Пи — кожа, дацзы — чужеземецъ). Буквальный переводъ будетъ: «Инородецъ въ рыбьей кожѣ». Теперь почти невозможно отличить таза отъ китайца ни по языку, ни по религіи, ни по одеждѣ. Они совершенно утратили свой орочскій обликъ.

Такъ какъ тазы имѣютъ право носить оружіе (Они всѣ природные охотники—единственная страсть, которую въ ихъ натурѣ не могли вытѣснить китайцы) и право на надѣлъ земли, то китайцы пользуются такой двойственностью и при всякомъ удобномъ случаѣ стараются назвать себя тазами, лишь-бы остаться на мѣстѣ и не быть изгнанными изъ Приамурья.

При возбужденіи вопроса о надѣлѣ инородцевъ землею, были неоднократны случаи, когда бывший орочь долженъ былъ уступить мѣсто китайцу только потому, что послѣдній ловко съумѣлъ втерѣть очки новичку чиновнику. Только опытный глазъ изслѣдователя или старожила подмѣтитъ въ костюмѣ таза или въ его домашней обстановкѣ такую мелочь, которая легко ускользнетъ отъ вновь пріѣзжаго человѣка и которая изобличитъ его ороческое происхожденіе. Къ сожалѣнію, помимо злоупотребленій, такіа ошибки были не одиночными за послѣдніе 3—4 года около залива Св. Ольги.

Чтобы закабалить таза, китайцы прибѣгаютъ къ слѣдующимъ приемамъ: Они пользуются тѣмъ, что инородцы эти не знаютъ никакой письменности. Поэтому, какъ только умираетъ кто либо изъ стариковъ тазовъ, китайцы являются къ его сыну, и, показывая исписанный листъ бумаги, объявляютъ ему, что отецъ его былъ долженъ имъ, примѣрно, 2—3 тысячи руб. Простодушному дикарю и въ голову не приходитъ мысль, что его обманываютъ и что онъ можетъ не платить этого долга. Память объ умершихъ родителейъ свята и потому онъ соглашается и платитъ, платитъ безъ конца, платитъ до тѣхъ поръ, пока китайцу это будетъ нужно. Въ концѣ концовъ, его продаютъ другому китайцу, тотъ третьему и т. д. Если должникъ къ указанному сроку не доставитъ опредѣленнаго числа соболей—его подвергаютъ жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Такъ напримѣръ въ 1907 году на р. «Санхобэ» въ присутствіи старшины (Да-ѣ) домъ таза «Эль-сяо» со всѣми живущими въ немъ людьми за долги проданъ китайцу «Лю-Гулу» за 15 део (на наши деньги за 3 рубля). Такихъ купленныхъ людей китайцы называютъ «хулацзы», что именно значитъ: «рабы».

На рѣкѣ «Иманъ» въ охотничьемъ поселкѣ Сидатунъ въ 1906 году я видѣлъ таза «Си-ба-юна», который послѣ смерти своего отца долженъ былъ китайцу 400 рублей. Въ уплату этого долга пошли—собранные въ теченіи 8-ми лѣтъ 86 соболей, корень жень-шень и двѣ пары пантовъ, и долгъ не только не умень-

шился, а возросъ еще болѣе. Случилось какъ-то разъ, что Си-ба-юнъ досталъ соболей меньше, чѣмъ требовалъ китаецъ, тогда онъ былъ избитъ палками до полусмерти, а такъ какъ послѣ этого наказанія онъ совсѣмъ не могъ уже заниматься охотой, то за долгъ у него отобрали жену, дочь и сына, а самого продали за 100 рублей другому китайцу.

Для того, чтобы выколотить долги отъ кекарей ¹⁾ и тазовъ, китайцы прибѣгаютъ часто къ очень жестокимъ пыткамъ. Одинъ разъ на рѣкѣ «Бикинъ» я натолкнулся на такую картину: орочь за большіе пальцы рукъ на сравнительно тонкой веревкѣ былъ повѣшанъ на сукъ дерева. Несчастный стоналъ, а рядомъ стояли и плакали его жена и дѣти. Тутъ же въ сторонѣ кредиторы китайцы равнодушно играли въ банковку. Я заступился за обиженнаго.

Нечего и говорить, что китайцы отбираютъ отъ инородцевъ соболей силою; бываютъ случаи, когда они отбираютъ отъ нихъ и оружіе, чѣмъ обрекаютъ ихъ на вѣрную голодовку. Приложенная здѣсь фотографія изображаетъ китайскаго «бога» Лун-ван-ѣй (въ лавкахъ цѣна ей 30—50 коп). Картина эта была силою навязана орочу—Удэне на р. «Самарги» въ 1908 году. Кекарь долженъ былъ уплатить за нее лучшаго соболя на выборъ. На вопросъ инородца, почему такъ дорого цѣнится картина, китаецъ отвѣчалъ, что Бога нельзя дешево продавать, потому что Богъ можетъ обидиться и тогда худо будетъ и купцу и покупателю. Затѣмъ, каждый Богъ стоитъ дорого, а боговъ на картинѣ нарисовано много, потому и цѣна большая. Какъ должникъ, орочь не могъ протестовать и подчинился требованію своего кредитора.

Если намѣченный инородецъ не въ кабалѣ и потому не сговорчивъ, китайцы прибѣгаютъ къ слѣдующимъ приемамъ: Они берутъ красныя бумажки, пишутъ на нихъ его имя и фамилію, идутъ къ могиламъ и тамъ сжигаютъ эти бумажки, какъ по умершему. Орочи страшно боятся этого.

По внушенію китайцевъ сжиганіе фамилии живого человѣка должно принести за собой несчастіе, болѣзни и смерть. Это чрезвычайно сильно дѣйствуетъ на воображеніе запуганнаго дикаря и онъ сразу становится уступчивѣе.

На побережьи моря, чтобы закабалить инородцевъ китайцы прибѣгаютъ и къ другимъ способамъ. Сперва они пріучаютъ

¹⁾ «Орочи-удэне» въ центральной части Уссурийскаго края.

ихъ пить «ханъ-шинъ» (китайская водка), къ которой примѣшиваютъ немного опія. Какъ только пациентъ начнетъ болѣть, китаецъ предлагаетъ ему покурить опій. Съ этого момента таза у него въ рукахъ:—это его рабочій, рабъ, скотъ, животное. Лѣтъ пять тому назадъ орочи—кекари на р. Кусунѣ еще не знали, что такое опій, а теперь изъ всего инородческаго населенія тамъ нельзя найти и двухъ человѣкъ, которые не имѣли бы этой пагубной страсти. Кстати два слова относительно опія.—Опій въ Уссурійскомъ краѣ появился сравнительно недавно, не болѣе какъ лѣтъ 25 тому назадъ. Особенно большія плантаціи мака въ 1906—1908 г.г. были въ прибрежномъ районѣ. Свѣже-собранный маковый сокъ тогда цѣнился 5—6 рублей фунтъ, а вареный, т.-е. готовый опій («Да-янь») отъ 1 руб. до 1 р. 20 к. золотникъ.

Установить точно цифру китайскаго населенія въ Уссурійскомъ краѣ положительно невозможно, такъ какъ она постоянно колеблется въ зависимости отъ времени года и отъ другихъ причинъ, заставляющихъ китайцевъ кочевать съ одного мѣста на другое.

Съ наступленіемъ осени вся тайга сплошь наводняется манзами соболевщиками. Они пріѣзжаютъ сюда не только изъ Владивостока, Никольска и Хабаровска, но даже и изъ Китая. Затѣмъ, когда выпадутъ снѣга, китайцы покидаютъ заповѣдники и возвращаются къ обычнымъ своимъ занятіямъ. Надо считать, что въ городахъ Уссурійскаго края китайскихъ купцовъ и рабочихъ въ общей сложности около 100.000, по всей странѣ хлѣбопашцевъ и огородниковъ 150.000 и манзъ охотниковъ, постоянно живущихъ въ горахъ, около 10.000 челов.

Надо полагать, что осенью пріѣздъ китайцевъ въ Уссурійскій край къ ихъ отъѣзду на родину весною относится какъ 10 : 2.

Особенно бродячій элементъ представляютъ собою рабочие манзы. Нанимаясь то здѣсь, то тамъ, они все время переходятъ отъ одного хозяина къ другому и потому постояннаго мѣста жительства не имѣютъ.

Почти всѣ крестьяне и очень многіе частные землевладѣльцы сами не обрабатываютъ земли, а отдаютъ ее въ аренду китайцамъ на правахъ половинщиковъ. Обыкновенно самъ хозяинъ русской отправляется на заработки куда нибудь «насторону», предоставляя китайцу распоряжаться землей, какъ ему угодно, по своему усмотрѣнію. Желтолицый арендаторъ тотчасъ-же строитъ фанзы, выписываетъ изъ Китая своихъ родственниковъ, приглашаетъ

помощниковъ, нанимаетъ рабочихъ и начинаетъ хозяйничать. Глядя на такую заимку, такъ и кажется, будто кусочекъ Китая вмѣстѣ съ постройками, огородами и людьми взятъ откуда-нибудь изъ подъ Чифу и цѣликомъ перенесенъ на русскую территорію.

Раздѣлять мѣстныхъ китайцевъ на земледѣльцевъ и звѣровщиковъ охотниковъ—нельзя. Земледѣльцы—они же и звѣровщики! Всѣ купцы суть скупщики пушнины, скупщики пантовъ и жень-шеня (цай-тунъ). Обработкой земли китайцы занимаютъ лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы собрать продовольствіе на время охоты и звѣроловства и для того, чтобы кредитовать инородцевъ кукурузой, чумизой и ханшиномъ.

Настоящіе ханшинные заводы въ періодъ съ 1900 по 1907 г.г. видѣль въ прибрежномъ районѣ на р. Иманѣ. Это были огромныя постройки, поражающія своими размѣрами, со множествомъ службъ и рабочихъ. Строго говоря, всякая китайская фанза есть маленькій ханшинный заводъ, изготовляющій водку (Шао-дзю) для своего употребленія и для продажи окрестнымъ инородцамъ. Въ каждой фанзѣ есть заторная яма и примитивное приспособленіе для выгонки спирта изъ хлѣбной закваски.

Все Приамурье заполнено ханшиномъ, благодаря его дешевизнѣ.

Никакія таможенныя заставы, никакіе акцизные надзоры, никакой контроль здѣсь помочь не могутъ.

Мнѣ кажется, что для борьбы съ этимъ зломъ есть одно только средство—это допустить хотя-бы временную безакцизную продажу русскаго спирта на Дальнемъ Востокѣ, чтобы имъ убить китайскую торговлю водкой.

Эксплоататоры китайцы раздѣлили всю территорію Уссурійскаго края на участки по долинамъ рѣкъ. На каждой рѣкѣ есть свой хозяинъ кредиторъ (Цай-тунъ). Всѣ орочи, всѣ тазы, живущіе въ этой долинѣ обязаны: 1) дѣлать закупки только у него одного по цѣнѣ, которую онъ самъ единолично устанавливаетъ и 2) сдавать ему за долги всю пушнину, всѣ панты и жень-шень, буде такой найденъ. Продажа этихъ предметовъ насторонѣ жестоко наказуется. Глядя лѣтомъ на китайцевъ, работающихъ около своихъ фанзъ на поляхъ и огородахъ, трудно допустить мысль, что имѣешь дѣло съ звѣровщиками, а между тѣмъ это такъ,

Осенью, какъ только поля будутъ убраны и наступятъ холода, всѣ китайцы оставляютъ свои дома и уходятъ въ горы на соболеванье.

Здѣсь, въ глухой тайгѣ, въ маленькихъ фанзочкахъ они жи-

вуть въ одиночку, рѣдко по два человѣка. Ловушки у нихъ расположены всегда по круговой тропѣ. Обыкновенно ихъ отъ 1500 до 3000 штукъ.

Работа китаецъ соболевщика очень тяжелая. Чуть свѣтъ онъ уже на ногахъ. Не смотря ни на какую погоду, онъ долженъ ежедневно ихъ осматривать. Съ маленькой котомкой за плечами онъ бѣжитъ по тропинкѣ и подходитъ только къ тѣмъ ловушкамъ, которыя упали. Быстро безъ проволочекъ собираетъ онъ свою добычу, налаживаетъ ловушку снова и снова бѣжитъ дальше. Уже совсѣмъ къ сумеркамъ китаецъ успѣваетъ пройти только половину дороги. Тутъ у него построены гдѣ нибудь маленькій балаганчикъ изъ дерева, корья и бересты. Переночевавъ у костра, на другой день съ разсвѣтомъ онъ проходитъ вторую половину дороги, вновь на бѣгу собираетъ добычу и только къ концу дня добирается до своей фанзы. А на завтра онъ опять уже на работѣ и опять осматриваетъ ловушки и такъ изо-дня въ день подрядъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Съ уходомъ манзъ изъ тайги не всѣ соболиныя фанзочки пустуютъ. Нѣкоторые китаецы живутъ въ нихъ постоянно въ теченіе всей своей жизни. Это въ большинствѣ случаевъ одинокіе старики, давно уже прѣхавшіе въ край и порвавшіе всякія связи со своей родиной. Дикая природа этихъ мѣстъ наложила на нихъ свою печать. Вѣчныя опасенія за свою участь и безочетный страхъ передъ этой огромной лѣсной пустыней, какъ будто подавляютъ ихъ—они утрачиваютъ человѣческій образъ и становятся дикарями. Живутъ эти китаецы въ самой ужасной, грубой, примитивной обстановкѣ и всѣ цѣли своего существованія сводятъ лишь къ тому, чтобы только найти себѣ хоть какое-нибудь пропитаніе. Здѣсь въ глухой тайгѣ они умираютъ одинокими такъ, что некому совершить надъ ними обрядъ погребенія.

Помню, въ 1903 году одинъ разъ съ шестнадцатью стрѣлками охотничьей команды я пробирался по мѣстности совершенно безлюдной. Послѣ 8 дней пути мы остановились бивакомъ въ самыхъ истокахъ р. Улахъ. На другой день утромъ я пошелъ на охоту. Отойдя отъ бивака версты четыре, я совершенно случайно натолкнулся на маленькую землянку-фанзочку, похожую на логовище звѣря. Фанзочка была пустая, но видно было, что въ ней еще живетъ человѣкъ. Я остался ждать. Минутъ черезъ 20 пришелъ хозяинъ. Это былъ глубокой старикъ, одѣтый въ рубище. Надо было видѣть его испугъ и удивленіе. Я его успокоилъ. По-

охотившись въ окрестностяхъ, я пришелъ къ нему ночевать. Мы разговорились. Оказалось, что въ краю онъ живетъ 62 года и что здѣсь въ этой землянкѣ совершенно одинокимъ онъ прожилъ подрядъ уже 46 лѣтъ. За все это время онъ видѣлъ только двухъ китаецевъ. Другихъ людей онъ не видалъ. Одни и тѣ же они одинъ разъ въ году приходили къ нему съ выючными конями, привозили буди, соль и кое-что изъ одежды, а взаменъ этого забирали у него ту пушнину (хорьковъ, бѣлокъ и случайнаго соболя), которыхъ онъ могъ поймать на своихъ 120 ловушкахъ. Питался этотъ старикъ только горстью чумизы и тою живностью, которую онъ добывалъ своимъ звѣроловствомъ. Вечеромъ старикъ заболѣлъ, онъ стоналъ и жаловался на грудь. Ночью два раза я затапливалъ его печь. Къ утру онъ немного успокоился и уснулъ. Когда совсѣмъ разсвѣло, я не хотѣлъ его будить, тихонько ушелъ и присоединился къ своему отряду.

Черезъ 38 дней случилось мнѣ возвращаться опять тою же дорогою. Я зашелъ въ землянку навѣстить своего новаго знакомаго. Старикъ лежалъ на нарахъ мертвымъ въ томъ положеніи, въ какомъ я оставилъ при своемъ уходѣ. Мы завалили дверь камнями и буреломомъ. Безъ малаго только черезъ полгода придутъ къ нему опять тѣ же два китаецы и тогда похоронятъ его по своему обряду. Похоронятъ ли?...

Кому приходилось путешествовать по Южно-Уссурійскому краю, тотъ, вѣроятно, встрѣчалъ въ тайгѣ маленькіе юрочки или балаганы изъ коры гдѣ нибудь около тропки, вблизи ручья или рѣчки. Внимательный наблюдатель замѣтилъ бы, что сухая трава и береста положены такъ, чтобы ихъ не замочилъ дождь, а дрова наколоты людьми передъ самымъ уходомъ и прикрыты берестой. Эта забота о путникѣ. Всякій китаецъ охотникъ послѣ ночевки считаетъ своею обязанностью приготовить дрожа и подстилку и для другого человѣка, которому случится идти тою же дорогою. Однажды на рѣкѣ Ли-фудзинѣ, на затескѣ дерева мы нашли надпись. Китаецъ проводникъ прочелъ мнѣ ее и сдѣлалъ переводъ: «Путникъ, если ты усталъ и голоденъ и у тебя нѣтъ запасовъ, иди по этой тропинкѣ, тутъ недалеко есть балаганъ. Особеннаго ничего въ немъ нѣтъ, но есть спички, соль и чумиза».

Только въ дикой безлюдной странѣ, гдѣ цѣлыми недѣлями можно идти и не встрѣтить жилья человѣческаго, гдѣ дѣйствительно можно погибнуть съ голода, у мѣстныхъ жителей видна трогательная забота о путникѣ. И странное дѣло, мои люди

безъ всякаго съ моей стороны приказанія каждый разъ по собственной инициативѣ поступали точно также. Прежде чѣмъ уходить, они поправляли бивакъ, заготавливали дрова, оставляли сухари и спички и только тогда отправлялись въ дорогу.

Китайцы открыто заявляютъ, что одно только звѣроловство въ Уссурийскомъ краѣ даетъ имъ возможность въ короткій срокъ скопить столько денегъ, чтобы потомъ по возвращеніи на родину, жить безбѣдно. По ихъ словамъ, нужно быть очень лѣнивымъ человѣкомъ, чтобы, имѣя подъ рукой «тазовъ» въ теченіе 8 лѣтъ не скопить 50.000 рублей. Накопивъ деньги, китаецъ въ большинствѣ случаевъ ни за что не останется въ Приамурьѣ. Онъ непременно уйдетъ на родину. Захвативъ всю тайгу и раздѣливъ ее на участки между собою, они воспретили инородцамъ ходить на охоту до тѣхъ поръ, пока они сами ловятъ соболя. Орочи и гольды начинаютъ промышлять только тогда, когда китайцы уйдутъ изъ горъ и оставляютъ свои дуйфанзы ¹⁾.

Но вотъ, возвратились манзы, пришли съ охоты и инородцы. Лихорадочная дѣятельность охватываетъ все китайское населеніе. Это время скупки пушнины, время расчетовъ и расплаты съ должниками. Изголодавшійся орочъ озабоченъ не тѣмъ, какъ бы по выгоднѣе продать своихъ соболей—(китайцы будутъ брать ихъ у него по цѣнѣ, которую они сами назначать), а о томъ, какъ бы только при подсчетѣ съ кредиторами они не отобрали бы у него оружіе, жену и ребенка. Наконецъ, подсчеты кончены, манзы расходятся по своимъ фанзамъ и предаются азартной игрѣ въ банковку. Китайцы страстные игроки. Ставки доходятъ до нѣсколькихъ тысячъ рублей и нерѣдко они проигрываютъ не только все свое имущество, но и собственную свободу. Въ то же время проявляютъ усиленную дѣятельность и хунхузы. Они появляются то здѣсь, то тамъ, нападаютъ на соболевщиковъ и отбираютъ у нихъ деньги и все, что есть цѣннаго. Если китаецъ не хочетъ указать, гдѣ у него спрятаны деньги, хунхузы прибѣгаютъ къ пыткамъ.

Вернусь опять къ звѣровщикамъ китайцамъ. За сезонъ одна фанзончка собираетъ приблизительно 15 соболей, около 1.000 бѣлокъ, 100 штукъ хорьковъ, около 3.000 рябчиковъ и съ сотню головъ кабарги (*Moschus Moschiferus*). Послѣдняя ловится петлями

¹⁾ Названіе звѣровыхъ фанзъ.

ради ея мускуса. Если считать соболя по средней цѣнѣ въ 40 рублей, бѣлку по 50 копѣекъ, хорька по 2 рубля, рябчика по гривеннику и кабаргу по 4 рубля за штуку, то при общемъ подсчетѣ получится цифра около 2000 рублей. Прибавьте къ этому еще панты въ нѣсколько сотъ рублей каждая пара, жень-шень, цѣнный дороже золота и мѣха, отбираемые отъ инородцевъ, то сумма эта увеличится по крайней мѣрѣ вдвое.

Насколько китайцы самостоятельно распоряжаются въ Уссурийскомъ краѣ видно изъ прилагаемой при семъ фотографии, съ документа, взятаго мною на р. Такэмъ въ 1907 году. Въ немъ мы читаемъ «Китаецъ, занимавшійся въ Уссурийскомъ краѣ ловлей соболей, ликвидируетъ свои дѣла и продаетъ рѣку съ притоками, какъ охотничье мѣсто, фанзу и 1,400 ловушекъ за 400 рублей» ¹⁾. Такимъ образомъ сдачу земель въ аренду въ Уссурийскомъ краѣ производитъ не управленіе Государственныхъ Имуществъ, а китайцы по своему усмотрѣнію. Поставить это въ вину лѣсничимъ, принимая во вниманіе малое число ихъ и огромный раіонъ обслуживания—нельзя. Въ одномъ Удскомъ уѣздѣ 5.000,000 десятинъ и вся эта огромная территория находится въ вѣдѣніи одного лѣсничаго.

Для китайцевъ Уссурийскій край—золотое дно. Они нашли здѣсь для себя многомилліонные заработки. Впечатлѣнія всего видѣннаго мною таковы: кругомъ валяются деньги, усердно подбираемые сынами Небесной Имперіи. Зачѣмъ копать изъ глубины земли руды, когда огромныя богатства валяются на поверхности? И что обиднѣе всего, что богатства эти не остаются въ странѣ, а всѣ уходятъ въ Чифу, Санъ-Синь и Маньчжурію. Въ будущемъ я подробно сообщу о всѣхъ промыслахъ китайцевъ, составляющихъ предметы массоваго вывоза за границу, сейчасъ же я упомяну о нихъ только вкратцѣ.

Начну съ оленя.

Ежегодно тотчасъ послѣ зимы всѣ олени сбрасываютъ сухіе рога и нѣкоторое время ходятъ безрогими. Затѣмъ, когда снѣга стоятъ и появится зелень у нихъ снова начинаютъ расти рога и каждый годъ вырастаетъ однимъ отросткомъ болѣе. Молодые рога сначала мягкіе, сочные и наполнены кровью.—Это и есть

¹⁾ Документъ демонстрировался въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ на сообщеніи. Въ настоящее время онъ переданъ въ Румянцовскій музей въ г. Москвѣ.

панты. Всѣ жизненныя силы звѣря идутъ въ это время въ ростъ его головныхъ украшеній. Олени чрезвычайно ихъ оберегаютъ, уходятъ далеко въ горы и забиваются въ самую чашу лѣса. Вотъ почему найти пантачей очень трудно и охота на нихъ считается одною изъ самыхъ тяжелыхъ. Китайцы приписываютъ пантамъ такое же цѣлебное свойство, какъ и жень-шеню. Самые дорогіе панты даетъ пятнистый олень (*Cervus Dibovskii*). Цѣнность ихъ достигаетъ до 1000 рублей и болѣе.

Пятнистый олень чрезвычайно красивое животное. Представьте себѣ небольшого стройнаго оленя краснаго цвѣта съ черной полосой на спинѣ и съ бѣлыми яблоками по всему тѣлу. Особеннаго вниманія заслуживаетъ этотъ видъ потому, что кромѣ Южно-Уссурійскаго края онъ нигдѣ не водится. Хищническое истребленіе его китайцами и русскими промышленниками привело къ тому, что за послѣднія десять лѣтъ площадь обитанія его сократилась разъ въ десять, а количество уменьшилось еще того болѣе. Тамъ, гдѣ раньше сторожили въ періодъ между 1885 и 1895 г.г. видѣли стада этихъ животныхъ въ десятки и даже сотни головъ, теперь съ трудомъ можно увидѣть одного самца съ двумя или тремя матками.

Если русскіе охотники дѣйствуютъ ружьемъ и на приискъ, то манзы, до энергичнаго преслѣдованія ихъ лѣснымъ надзоромъ, дѣйствовали для добычи пантовъ (Ки-Деу), выпортокъ (Лу-тай), роговъ (Кон-цаза) и лакомаго оленьяго хвоста (Лу-иба) своими изгородями и ямами (Лу-дѣва), а корейцы капканами башмаками—навѣрняка. Лу-дѣва—это заборъ, преграждающій доступъ животнымъ къ водопою. Заборъ этотъ дѣлается изъ буреломнаго лѣса и часто тянется на значительномъ протяженіи. Коегдѣ оставляются выходы и какъ разъ противъ нихъ роются глубокія ямы, искусно прикрываемыя сверху мхомъ и сухою травою. Ночью животныя идутъ пить воду,—встрѣчаютъ заборъ, идутъ вдоль него, ищутъ проходовъ и попадаютъ въ ямы.

Для сужденія о размѣрахъ манзовскаго способа ловли оленей служить таблица, составленная изъ протоколовъ по Сучанскому лѣсничеству.

1) Сучанская Лу-дева въ вершинѣ рѣки Сяо-хэ, впадающей въ бухту Преображенія; длина 1 верста 400 сажень съ одной китайской фанзой близъ нея и другой фанзой на берегу моря. Протоколъ по оцѣнкѣ лѣса, употребленнаго на изгородь, ямы и фанзы, по казенной таксѣ на 308 руб. 21 коп.

2) Яндагоузская, по правому бассейну низовьевъ р. Та-Судзухэ, длиною 2 версты съ 10 ямами. Протоколъ на 117 р. 42 к.

3) Тапоузская, осмотрѣнная часть каковой на протяженіи 2¹/₂ верстъ заключала 13 ямъ и 1 китайскую фанзу. Протоколъ на 396 руб. 80 коп.

4) Чингоузская, въ бух. «Востокъ» отъ устья рѣки Таухэ, съ 1 фанзой на взморьѣ. Протоколъ на 309 руб. 80 коп.

5) Ханганская (бухта Валентина). Длинною 7 верстъ съ одной фанзой на взморьѣ. Протоколъ на 492 руб. 71 коп.

6) Вызгоузская, по бассейну низовьевъ рѣки Та-Судзухэ. Длина 8 верстъ съ 40 ямами.

7) Та-Удиминская, въ бассейнѣ рѣки Та-уди-ми, длиною 10 верстъ съ 80 дѣйствующими ямами и съ одной фанзой. Протоколъ на 264 рубля 54 коп.

8) Эльдалянзская длиною въ 15 верстъ съ 1-й фанзой въ бух. Козьмина.

9) Сяо-Судзухинская вдоль по рѣкѣ Сяо-Судзухэ, длиною 21 верста съ 190 ямами и 5 фанзами.

10) Вангоуско-Янбатагоуская, длиною въ 55 верстъ съ болѣе чѣмъ 105 ямами и 8 фанзами. Протоколъ на 1346 руб. 70 коп.

Наконецъ, цѣпь изгородей по обѣимъ сторонамъ долины р. Та-Судзухэ до предѣла хвойныхъ насаженій въ ея вершинѣ, выше устья рѣки Сяо-Судзухэ, каковыя разрушались безъ всякаго исчисленія, вслѣдствіе бѣгства охотниковъ съ момента появленія отряда стражи еще въ низовьяхъ долины.

Примѣромъ размѣра добычи по весеннему насту служить случай арестованія въ бухтѣ Чуз-гоу, что въ области залива «Находка», 20 марта 1895 года 20 козыхъ и оленьихъ тушъ, 14 оленьихъ и 2 козыхъ кожъ, 8 оленьихъ выпортокъ, 4 пары оленьихъ и 8 паръ козыхъ рогъ. Всего же здѣсь, по рассказамъ корейцевъ сосѣдней солеварни, было въ теченіе двухъ недѣль загнано и зарѣзано 60 звѣрей. Исходя изъ того, что такимъ систематическимъ истребленіемъ площадь обитанія оленя уменьшилась въ теченіе 40 лѣтъ разъ въ 10 и что Аскольдъ представляетъ собою единственный въ мірѣ естественный питомникъ пятнистаго оленя, нельзя не согласиться, что аскольдовское оленьё имущество, капитальной стоимостью въ 1.000.000 рублей, должно обратить на себя вниманіе Правительства и пользоваться всякимъ вниманіемъ со стороны высшихъ начальствующихъ и административныхъ лицъ.

Въ 1906 и 1907 годахъ я видѣлъ лу-дѣвы на р. Синанцѣ, Аохобэ и Адимиль-Дунъ-Тавайзѣ. Осматривая эти лу-дѣвы, мы находили въ ямахъ живыхъ оленей и козъ. Мы опутывали ихъ арканами, вынимали на поверхность полужадушенными и отпускали на свободу. Въ одной фанзѣ Аохобейской лу-дѣвы оказалось около 40 пудовъ оленьихъ жилъ. Можно судить поэтому, сколько понадобилось убить цѣнныхъ звѣрей, чтобы собрать такое количество сухожилий.

Далѣе къ предметамъ промысла китайцевъ въ Уссурійскомъ краѣ относятся:

1) Трепанги (*Holoturia Eduli*)—китайцы называютъ «Хей-сынъ». Ловятся съ шампунокъ ¹⁾ драгами и особаго рода четырехзубыми острогами. Суточный уловъ одной лодки въ среднемъ около 120 трепанговъ, что даетъ 6 фунтовъ сухого продукта. Стоимость на мѣстѣ одного фунта—1 рубль, въ Чифу—около 2-хъ рублей. Въ Китаѣ трепанговъ нѣтъ, они давно тамъ всѣ выловлены.

2) Морская капуста (*Laminaria Sachalina*) по китайски «Хай-цай». Достается со дня моря особыми крючьями въ огромномъ количествѣ, сушится на галькѣ и связывается пучками. Одинъ пучекъ морской капусты продается на мѣстѣ отъ 1 руб. 20 коп. до 1 р. 50 коп. Въ Китаѣ 6—7 копѣекъ фунтъ. Какъ и трепанги эти слоевковыя водоросли въ Китаѣ уничтожены совершенно. Добыча ихъ производится только въ Уссурійскомъ краѣ и на островѣ Сахалинѣ.

3) Морскіе крабы («Тахеза-ехею»—по китайски). Животныя, ловятся сѣтями; суточный уловъ около 500 штукъ, варятся въ котлахъ, мясо ихъ очищается отъ наружной панцырной оболочки и высушивается на солнцѣ. Во Владивостокѣ цѣна на ихъ сухое мясо 8—12 руб. пудъ.

4) Маленькій рачекъ (по китайски «Сія») въ массѣ ловится на берегу моря, около устьевъ рѣкъ. Мясо его квасится въ судахъ и продается, какъ соя. За границей одинъ фунтъ стоитъ 5 копѣекъ.

5) Большой гребешокъ (*Pecten Maximus*) китайское названіе «Мати-Каля». Собирается на берегу моря и въ полосѣ мелководья. Отъ моллюска берутся одни мускулы, ихъ варятъ и сушатъ. Въ Китаѣ продается по 3 рубля фунтъ.

¹⁾ Китайская лодка.

6) Каменный лишай (изъ группы *Parmeliaceae*) по китайски «Шито-пи» т. е. «каменная кожа». Въ массѣ собирается въ Засучанѣ и отправляется въ Китай, цѣна 7 коп. за фунтъ.

7) Древесные грибы (*Tremelia*) китайское названіе «Хый-цай». И наконецъ жень-шень.

Я остановлюсь немного на жень-шенѣ. У китайцевъ есть множество легендъ о его происхожденіи. Вотъ одна изъ нихъ: ее чаще всего можно услышать въ Уссурійскомъ краѣ. Жень-шень—это корень, который есть только одинъ на всей землѣ. Онъ можетъ превращаться и въ человѣка, и въ тигра, въ птицу, и во всякое другое животное. Поэтому никто его найти не можетъ. Раньше жень-шень жилъ въ Китаѣ и никто не зналъ о его существованіи. Но вотъ великій пророкъ Лао-цзы открылъ его цѣлебную силу и указалъ людямъ его примѣты. Жень-шень бѣжалъ къ сѣверу въ гористыя страны. Ученики Лао при посредствѣ другихъ цѣлебныхъ травъ открыли его мѣстонахожденія. Тогда жень-шень скрылся въ Уссурійскій край. Прошло много вѣковъ. И вотъ три брата Ванганго, Касавонъ и Лиу-у пошли къ берегамъ Великаго Океана искать этотъ чудодѣйственный корень. Тамъ они заблудились и погибли. Съ тѣхъ поръ души ихъ бродятъ по тайгѣ и перекликаются между собою. Каждый жень-шеньщикъ, если услышитъ эти стоны и крики, никогда не пойдетъ въ ихъ направленіи, а непременно свернетъ въ сторону. Если же онъ рискнетъ туда идти, то ничего не найдетъ и навѣрное заблудится.

Чтобы спастись отъ преслѣдованія людей, жень-шень наплодилъ множество корней себѣ подобныхъ—«Пан-цуй», какъ говорятъ китайцы. Вотъ почему такой «Пан-цуй» чѣмъ ближе будетъ къ истинному «жень-шеню», тѣмъ больше онъ похожъ на человѣка, тѣмъ больше онъ размѣрами, сильнѣе въ немъ сила и тѣмъ дороже онъ цѣнится. Не разъ слыша эту легенду, я сопоставлялъ ее съ цѣлымъ сонмомъ символическихъ легендъ, существующихъ съ незапамятныхъ временъ у человѣчества о жизненномъ эликсирѣ.—Идея одна и таже!..

Ежегодно въ теченіе всего лѣта, приблизительно съ начала іюня китайцы искатели жень-шеня отправляются въ тайгу за дорогимъ корнемъ. Идутъ они въ одиночку, часто безовсякаго оружія, съ одною только молитвой и съ твердою вѣрой, что духи лѣсовъ и горъ окажутъ имъ свое покровительство. Отличительный признакъ этихъ искателей—промазанный передникъ для за-

щиты одежды отъ росы и длинная палка для разгребанія листвы и травы подъ ногами. Надо удивляться ихъ выносливости и терпѣннiю. Я нѣсколько разъ видѣлъ жень-шеньщиковъ. Въ лохмотьяхъ, полуголодные и истомленные, они идутъ безъ всякихъ дорогъ цѣлиною. Все время они надламываютъ кусты или кладутъ мохъ и сухую траву на сучки деревьевъ. Это условные знаки, чтобы другой человекъ не пошелъ бы по этому слѣду, потому что мѣсто это осмотрѣно и другому дѣлать здѣсь нечего. Если жень-шеньщикъ нашелъ панцуй и не хочетъ его тотчасъ взять съ собою, онъ оставляетъ его расти и отыкаетъ кругомъ заостренными палочками. Это знакъ, что корень найденъ и уже принадлежитъ человекъ. Ни одинъ китаецъ, найдя такой огороженный жень-шень, не позволитъ себѣ его присвоить. Нарушителя этого обычая ждетъ смертная казнь.

Сколько ихъ погибло отъ голода, сколько заблудилось и пропало въ тайгѣ безъ вѣсти, сколько было растерзано дикими звѣрями, и всетаки, чѣмъ больше лишений, чѣмъ больше опасности, чѣмъ угрюмѣе и непривѣтливѣе горы, чѣмъ глуше тайга и чѣмъ больше слѣдовъ тигровъ, тѣмъ съ большимъ рвенiемъ идетъ китаецъ искатель. Онъ убѣжденъ, онъ вѣритъ, что всѣ эти страхи только для того, чтобы напугать человекъ и отогнать его отъ того мѣста, гдѣ находится дорогой Панцуй.

Тутъ, гдѣ-нибудь въ узкомъ ущельѣ, въ тѣни, куда никогда не заглядываетъ солнце, растетъ этотъ удивительный корень жизни, возвращающiй истомленному старческому тѣлу бодрость и исцѣляющiй всѣ недуги.

На всѣхъ дорогахъ, идущихъ черезъ горы, на самыхъ перевалахъ всюду можно видѣть маленькiя кумирни, сложенные изъ дерева или дикаго камня, съ изображенiями боговъ «Хуа». Кумирни эти поставлены китайскими охотниками и искателями жень-шеня. Тутъ же гдѣ-нибудь по близости повѣшены на деревьяхъ лоскутки краснаго кумача съ надписями, сдѣланными тушью, слѣдующаго содержания:

«Господину истинному духу горъ, охраняющему лѣса. Моя радость сверкаетъ, какъ чешуя у рыбы и красивое оперенiе феникса. Владыкѣ горъ и лѣсовъ, охраняющему приростъ богатства. Если просишь, непременно обѣдай—просящему нѣтъ отказа и т. д. ¹⁾».

¹⁾ Переводы всѣхъ китайскихъ рукописей, добытыхъ мною во время экспедици, сдѣланы окончившимъ Восточн. Институтъ г. Шкуркинымъ.

Первые китайцы, появившiеся въ Уссурiйскомъ краѣ были именно жень-шеньщики. Они появляются здѣсь незадолго (не болѣе, какъ за 30 лѣтъ) до прибытiя русскихъ. Первое появленiе китайцевъ на памяти у старожиловъ орочей и Уссурiйскихъ гольдовъ. Старики эти живы еще и теперь. Прибытiе китайцевъ вызвало среди инородцевъ много толковъ. Это было сенсационное событiе. До нихъ дошли слухи, что съ запада со стороны оз. Ханка появились какiя то новые люди: не то мужчины, не то женщины, что одѣты они были въ длинныя платья, не имѣли ни усовъ, ни бороды, говорили на языкѣ непонятномъ и прiѣхали на какихъ то невиданныхъ животныхъ. Это были лошади, которыхъ никогда не видѣли орочи. Люди эти были первые жень-шеньщики, быть можетъ—Ванганго, Касавонъ и Лиу-у.

Первые искатели жень-шеня въ краѣ не жили и осенью съ наступленiемъ холодовъ возвращались обратно. Совсѣмъ недавно (не болѣе, какъ за десять, за пятнадцать лѣтъ до русскихъ) появились первые китайцы-земледѣльцы. Они построили маленькую фанзочку около Уссури при впадении въ нее р. Сунгачи и отсюда на лодкахъ съ помощью инородцевъ подымались по рѣкамъ въ горы, опять-таки въ поискахъ за жень-шенемъ. Никакого оружiя у нихъ тогда не было. Двѣ другiя такiя же фанзочки были построены одна у устья р. Имана и другая около урочища Анучина. По слухамъ, значительно позже, двѣ фанзы появились и на берегу моря въ бухтѣ Мза. Фанзы эти были станцiями, куда весной стекались манзы-искатели. Съ тѣхъ поръ китайцы прибываютъ въ край все больше и больше. За жень-шеньщиками пришли соболевщики и звѣроловы, а вслѣдъ за ними появились и земледѣльцы. Они потѣснили инородцевъ и эти послѣдние отошли въ глубь страны и на сѣверъ.

Какъ казаки въ Запорожскую сѣчь, такъ и въ Уссурiйскiй край шли китайцы. Это были или преступники, которые спасались отъ наказанiй и бѣжали изъ своего государства, или такiе, которые не хотѣли подчиняться законамъ Желтой Империи и желали жить въ полнѣйшей свободѣ на волѣ. Отсюда и названiе «Манцзы» что значитъ: «полный или свободный сынъ».

Уссурiйскiй край принадлежалъ древнѣйшимъ Маньчжурамъ— Бохаю, но онъ никогда не принадлежалъ современному Китаю.

Китайскiе историки плохо были освѣдомлены о томъ, что происходило въ Уссурiйскомъ Краѣ въ древнѣйшiя времена. Въ китайской географiи династiи «Цынъ» свѣдѣнiя объ этой странѣ

крайне скудны. Нигдѣ не говорится о томъ, что область эта принадлежала Китаю. Понятія о ней отвлеченныя, смутныя...

Не буду перечитывать всѣхъ выдержекъ изъ научной литературы, я только въ двухъ словахъ коснусь древнѣйшей исторіи Уссурийскаго края такъ, какъ это именно говорится у китайскихъ лѣтописцевъ.

Въ 302 году по Р. Хр. на побережьѣ моря къ востоку отъ Сихотэ-Алиня было особое владѣніе племени «Домолу», а къ западу до р. Тюмень-Ула и Сунгари было владѣніе Маньчжурскаго племени «Иллоу». Съ половины VII вѣка въ Маньчжуріи и на берегахъ Великаго океана въ томъ числѣ и въ Южной части Уссурийскаго края возникло культурное царство «Бо-хай» подъ корейскимъ вліяніемъ. Въ началѣ X-го вѣка монголо-маньчжурское племя «Кидони» силою оружія уничтожило это вліяніе и съ 912-го года владѣнія «Бохая» простираются отъ р. Тюмень-Ула къ югу до порта Лазарева (провинція Гао-ли) и къ сѣверу узкою полосою по берегу моря до озера Ханка и до рѣки Сучана. Кидони царили надъ Маньчжуріей подъ именемъ династіи Ляо. Въ началѣ XII столѣтія царство Ляо силою оружія маньчжурскихъ племенъ «Чжуржей» распалось и на земляхъ его возникла Маньчжурская Имперія Гинь (Золотая) съ границами до устья Амура. Къ этой послѣдней эпохѣ и относятся сказанія и памятники, оставленные въ Уссурийскомъ Краѣ маньчжурами.

Въ періодъ съ 8-го по 12 вѣкъ орочи были потѣснены съ юга въ сѣверную и центральную часть страны маньчжурами.

Послѣ продолжительной и междуусобной войны между легендарнымъ Нингутинскимъ властителемъ Чин-я-тай-цзы и Сучанскимъ царемъ Куань-юномъ въ Южно-Уссурийскомъ краѣ настаютъ страшныя повальныя болѣзни, уничтожившія почти все оставшееся послѣ войны населеніе. Въ краѣ надолго наступаетъ запустѣніе.

Тогда сѣверныя охотничьи племена, жившія въ глуши горъ и лѣсовъ, спускаются къ югу и мало-по-малу распространяются по всему Уссурийскому краю.

Китайцы, вообще, плохо знали страну и, если и смотрѣли на нее, какъ принадлежащую къ Китайской Имперіи, то также, какъ они смотрѣли на всѣ окружающія ихъ страны и народы, которыхъ они считали своими вассалами и требовали отъ нихъ дани. Вотъ почему и Невельской такъ легко, безъ одного вы-

стрѣла захватилъ весь Уссурийскій край отъ Амура до Владивостока.

Начавшіеся дипломатическіе переговоры о присоединеніи новаго края къ Россіи дали китайцамъ мысль, что они имѣютъ право на эту землю и потому могутъ воспрепятствовать русскимъ, но отсутствіе твердой увѣренности, что край принадлежитъ имъ, исключило какія бы то ни было осложненія со стороны Китая.

Китайцы и по сіе время смотрятъ на Уссурийскій край какъ на свою собственность, но не принадлежащую ни Россіи, ни Китаю, а принадлежащую манцзамъ. Это видно изъ документа (фотографія) здѣсь приложеннаго. Когда я пришелъ на р. Иманъ, то китайцы, извѣщая объ этомъ событіи своихъ сосѣдей, писали «Пришелъ иностранецъ изъ своего государства».

Теперь о хунхузахъ. Хунхузы въ Уссурийскомъ краѣ—обычное явленіе. Неся съ собою смерть и ужасъ, шайки ихъ бродятъ всюду, нападая то на русскія, то на китайскія поселенія. Вездѣ, гдѣ околониризовались манзы, есть и хунхузы. И чѣмъ больше китайцевъ, тѣмъ больше хунхузовъ.

Несмотря на то, что китайцы страдаютъ отъ нихъ сами, они всѣми мѣрами укрываютъ ихъ отъ русскихъ властей. Чѣмъ это объяснить? Очень просто. Китайца, который выдалъ хунхуза, не сокрылъ его, не оказалъ ему вниманія и гостепріимства или не сообщилъ своевременно о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ русскихъ,—ждетъ мучительная смерть отъ руки мстителя. И куда бы китаецъ этотъ ни ушелъ, «Дамокловъ мечъ» всюду будетъ висѣть надъ нимъ. Вотъ почему, даже въ такихъ городахъ, какъ Владивостокъ и Хабаровскъ, хунхузовъ много,—больше, чѣмъ предположить это можно! Страхъ передъ хунхузами—панической, покорности—полнѣйшая, рабская. Были примѣры, когда два хунхуза, придя въ фанзу дроворубовъ, гдѣ жило около 30 человекъ рабочихъ китайцевъ, приказывали имъ вязать другъ друга, и приказаніе это исполнялось тотчасъ же безъ всякаго возраженія. Обобравъ, что нужно, разбойники развязывали только одного человека и уходили, ни мало не опасаясь преслѣдованія со стороны обиженныхъ.

Рѣзня на островѣ Аскольдѣ и кровавое нападеніе на село Никольское (нынѣ Никольскъ-Уссурийскій) свидѣтельствуютъ о томъ, что усиленная дѣятельность китайскихъ разбойниковъ въ Уссурийскомъ краѣ началась съ семидесятыхъ годовъ. И чѣмъ

дальше, тѣмъ больше, тѣмъ сильнѣе становились хунхузы. Въ 1906 г. большая ихъ шайка, человекъ въ 80, оперировала въ окрестностяхъ зал. св. Ольги. Въ 1907 году другая такая же шайка дѣйствовала въ истокахъ рѣки Фудзина и въ области Засучанья. Въ 1908 году хунхузы напали на село Шкотово, а въ 1909 году подверглось обстрѣливанію село Владимиро-Александровское на р. Сучанѣ.

Русскіе, попавшіе въ руки хунхузовъ, подвергаются самымъ ужаснымъ пыткамъ. Звѣрскія наклонности не имѣютъ удержу, страсти—предѣловъ. Видъ крови опьяняетъ разбойниковъ. Привязавъ плѣнника къ дереву, китайцы подрѣзываютъ ему ногти, ломаютъ суставы пальцевъ на рукахъ и ногахъ, разрываютъ ротъ, вырываютъ языкъ, протыкаютъ уши, выкалываютъ глаза и т. д. И все это дѣлается медленно, съ промежутками, нарочно съ цѣлью, чтобы испытуемый не сразу умеръ, а мучился бы возможно больше. Пытка продолжается иногда въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Такія пытки не рѣдкость. Въ 1879 г. такой мучительной смертью погибла вся семья (жена и дѣти) капитана дальняго плавания г. Гекъ, въ бухтѣ Седими. Въ 1900 году погибъ также стрѣлокъ Иванъ Царевъ. Въ 1903 году изъ знакомыхъ мнѣ охотниковъ на рѣкѣ Мурени недалеко отъ озера Ханка былъ замученъ старообрядецъ Иванъ Китаевъ изъ селенія Красный Яръ, около Никольска-Уссурійскаго. 10 іюня 1908 г. замученъ 9-лѣтній сынъ казака Шальникова, а въ январѣ 1910 г. сожжены на кострѣ живыми два крестьянина, братья Кравцовы.

Я столкнулся съ хунхузами только одинъ разъ на берегу моря, въ заливѣ Пластунъ. Это было въ 1906 году. Совершенно неожиданно китайцы открыли огонь. Произошла перестрѣлка, послѣ которой китайцы бросили свою палатку и ушли въ горы.

Вообще, китайцы по природѣ народъ крайне жестокой. Всѣ мысли ихъ направлены къ тому, чтобы доставить живому существу какія либо мученія. Напримѣръ: бой свѣрчковъ, бой пѣтуховъ, стравливаніе собакъ и т. д. Даже тогда, когда дерутся люди, китайцы не разнимаютъ ихъ, а еще больше подзадариваютъ ту и другую сторону.

Сѣвернѣе бухты Терней хунхузы не заходятъ, потому что страна становится пустынной и безлюдной, къ тому же они побиваются тамъ охотничьей дружины (Пао-тоу), раіономъ дѣятельности которой является все побережье отъ залива Пластуна до р. Кусуна и даже еще сѣвернѣе.

Дружина эта собралась первый разъ въ 1839 году и съ той поры она уже болѣе не распускалась. Въ 1866 году китаецъ Чанъ-гинъ-чинъ былъ выбранъ пожизненнымъ начальникомъ «Чжанъ-Бао». Цѣль дружины—активная борьба съ хунхузами. Въ составъ ея входили вооруженные китайцы и всѣ тазы до р. Кусуна. По мѣрѣ заселенія края русскими, раіонъ дѣятельности этой дружины все болѣе и болѣе отодвигался на сѣверъ и число дружинниковъ становилось все меньше и меньше. Въ 1906 г. она состояла только изъ 40 человекъ.

Въ число дружинниковъ не всѣ могли попасть. Въ нее принимались рѣшеніемъ общаго собранія только лица, извѣстныя своей честностью и храбростью и непременно за поручительствомъ своихъ товарищей.

У этихъ людей былъ одинъ только законъ—«Кровь за кровь», и одно только правило: «Око за око». Какъ примѣнялись эти законы свидѣтельствуется слѣдующая кровавая драма, разыгравшаяся въ 1906 году около бухты Терней близъ фанзы Дунъ-Тавайза.

У начальника дружины «Чжанъ-Бао» помощникомъ былъ китаецъ Лю-Пуль. Этотъ послѣдній былъ убитъ японцами при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Лю-Пуль вмѣстѣ съ корейцемъ Кинъ-ю-то шелъ берегомъ моря по намывной полосѣ прибоя. Оба они были приглашены къ тазамъ на праздникъ на р. Такэму и, такъ какъ вышли рано, то не очень торопились въ дорогѣ. У того и другого были прекрасныя ружья. Отойдя немного отъ устья р. Адимиль, Лю-Пуль отсталъ, сѣлъ на землю и началъ переобуваться. Тутъ недалеко отъ берега стояла японская шхуна, на которой было около 30 человекъ экипажа. Отсутствіе попутнаго вѣтра не позволяло ей уйти въ море. Пока Лю-Пуль переодѣвался, отъ шхуны отдѣлилась лодка и подплыла къ берегу. Изъ лодки вышли японцы, подошли къ Лю-Пулу и стали съ нимъ разговаривать. Одинъ изъ японцевъ взялъ его ружье, какъ будто для того, чтобы его посмотреть. Лю-Пуль, ничего не подозревая, продолжалъ перетягивать ремни обуви. Въ это время, стоящій позади его японецъ поднялъ большой камень и со страшной силой ударилъ по головѣ Лю-Пула. Грабители отобрали отъ убитаго ружье и 20 рублей денегъ. Пока одни занимались грабежомъ, другіе открыли огонь по ушедшему впередъ корейцу, но послѣдній успѣлъ скрыться въ скалы и затѣмъ кружною тропею вернулся обратно въ Дунъ-Тавайзу. Тамъ какъ разъ въ это время былъ «Чжанъ-Бао» и

5 человекъ тазовъ. Узнавъ о случившемся, дружинники рѣшили жестоко отомстить японцамъ. Поздно вечеромъ, они, захвативъ съ собой двѣ банки керосину, сѣли въ лодки и ночью безъ малѣйшаго шума подошли къ судну. Шхуна попрежнему стояла на своемъ мѣстѣ на якорѣ. Тазы отвязали стоящую у кормы ея лодку, затѣмъ облили съ боковъ все судно керосиномъ и подожгли его. Японцы спали, ничего не подозревая. Пламя охватило шхуну сразу со всѣхъ сторонъ. Трескъ горящаго судна и побѣдные крики тазовъ заглушали крики японцевъ, молившихъ о пощадѣ. Большая часть ихъ сгорѣла на шхунѣ, тѣ же, которые успѣли выскочить изъ огня и бросались въ воду, были добиваемы китайцами и тазами. Такъ дружинники, слѣдуя закону «Око за око», отомстили за смерть своего товарища.

Другая кровавая драма разыгралась недалеко отъ зал. Пластуна на р. Каимбэ.

Дѣло было такъ: въ концѣ прошлой войны партія сахалинскихъ дружинниковъ, высадившись на материкъ въ заливѣ Де-Кастри, направились къ югу вдоль по побережью Татарскаго пролива къ зал. Св. Ольги. Такъ какъ всѣ не могли помѣститься въ лодкѣ, имѣвшейся въ ихъ распоряженіи (всѣхъ было 16 человекъ), то остальные въ числѣ 6 человекъ шли (поперемѣнно) берегомъ моря. Плаваніе ихъ до рѣки Тавайзы, сопровождалось цѣлымъ рядомъ грабежей и насилій среди мѣстнаго китайскаго и инородческаго населенія. Около устья р. Тавайзы сахалинцы застали двухъ орочей охотниковъ, спящихъ около костра близъ солонцевъ. Они напали на нихъ врасплохъ и убили топорами. Забравъ съ собою ружья инородцевъ, разбойники поспѣшно удалились, прикрывъ трупы убитыхъ небольшимъ слоемъ песку и гальки. Розыски пропавшихъ людей товарищами орочами долгое время были тщетны. Наконецъ, на рѣкѣ Адимиль-Тавайза около берега моря было найдено мѣсто ихъ бивака. Разбросанныя на землѣ вещи убитыхъ заставили искавшихъ предположить, что здѣсь совершено преступленіе. Тутъ имъ много помогли собаки. Онѣ начали рыть землю лапами.—Орочи обратили вниманіе. Раскопки въ этомъ мѣстѣ обнаружили скоро одинъ трупъ и рядомъ съ нимъ и другой. Преступленіе было открыто. Опытный глазъ орочей не обманывалъ ихъ.—Убийцы были русскіе. Въ это время вслѣдствіе непогоды и противнаго вѣтра партія сахалинцевъ успѣла добраться только до р. Каимбэ, гдѣ и задержались. Немедленно собралась вся дружина и отправилась къ тому мѣсту, гдѣ бивакировали

сахалинцы. Неожиданно напали они на нихъ и перебили сразу всѣхъ тѣхъ, которые были на берегу. Тогда остальные бросились въ лодку, начали отстрѣливаться и хотѣли уйти въ море, но противный вѣтеръ и волненіе мѣшали ихъ бѣгству. Лодку прибило волнами къ берегу. На несчастье у каторжанъ скоро изсякли всѣ патроны. Мѣткій ружейный огонь тазовъ и китайцевъ по кучкѣ людей, сбившихся въ лодкѣ, оказался настолько дѣйствительнымъ, что черезъ нѣсколько минутъ всѣ пассажиры ея уже лежали или убитыми, или ранеными. Тѣмъ временемъ лодку пригнало прибоемъ къ берегу. Изъ нея выскочили два человека, которые бросились бѣжать. Китайцы открыли по нимъ огонь, но они успѣли скрыться, хотя и не надолго. Спасаясь въ тайгѣ, бѣглецы наткнулись на пастушескую фанзу, въ которую имѣли неосторожность зайти. Между тѣмъ ихъ преслѣдовали специально отряженные для сего шесть человекъ тазовъ. Оба бѣглеца были пойманы въ фанзѣ и тутъ же убиты. Всѣ трупы были сброшены въ море, а лодка сожжена. Китайцевъ и тазовъ охотниковъ было около 20 человекъ.

Лично мнѣ Чжанъ-Бао оказалъ большія услуги. Каждый разъ, какъ только заходило солнце, онъ окружалъ нашъ бивакъ шестью часовыми, выставляя ихъ по всѣмъ тропкамъ. Его лазутчики каждый день сообщали мнѣ, гдѣ находятся хунхузы и что произошло въ окрестностяхъ за ночь.

Мѣстные китайцы враждебно относятся къ русскимъ 1) потому что русскіе мало по малу вытѣсняють ихъ изъ края; 2) потому что русскіе постоянно заступаются за инородцевъ и 3) потому что прошлая неудачная война подорвала авторитетъ русскихъ властей въ краѣ. Они убѣдили инородцевъ, что Уссурійскій край принадлежитъ Китаю, что русскіе попали сюда на время, случайно, по недоразумѣнію также, какъ и въ Маньчжурію и что поэтому не надо слушаться «Лоца-Мауза» (т.-е. русскихъ), а слѣдуетъ во всемъ подчиняться китайцамъ.

Въ японскую войну послѣ Мукденской катастрофы и послѣ разгрома эскадры адмирала Рождественскаго около острова Цусимы, когда ожидалась осада Владивостока — мѣстные китайцы пришли въ сильное возбуденіе. Они побросали свои работы, ходили по всѣмъ дорогамъ и тропамъ и горячо толковали между собою о грядущихъ событіяхъ и главнымъ образомъ о томъ, гдѣ достать ружья и патроны. Ходячія среди большей части населенія мысли были таковы: «Когда японцы разобьютъ русскихъ и

здѣсь въ Уссурійскомъ краѣ и когда русскіе пойдутъ къ Хабаровску, то надо помогать японцамъ, надо на пути перехватить русскихъ и бить ихъ, гдѣ только возможно. Надо сжечь всѣ деревни и перебить не только крестьянъ, но и дѣтей и женщинъ, чтобы здѣсь совсѣмъ не было русскихъ и чтобы земля снова стала китайской».

Строй жизни китайцевъ въ Уссурійскомъ краѣ поражаетъ наблюдателя своей оригинальностью. Эта замѣчательная организація заслуживаетъ того, чтобы о ней поговорить подробнѣе. И здѣсь опять-таки мы видимъ только одинъ неумолимый законъ тайги: «Кровь за кровь» и «Око за око», «Прощенья нѣтъ» — вотъ тезисъ, вотъ главное основаніе закона! Надо поражаться той желѣзной дисциплиной, которая связываетъ сочленовъ этой ассоціаціи между собою. На каждой рѣкѣ китайцы живутъ своею особой жизнью, совершенно не похожей на тотъ строй, который существуетъ у нихъ въ Китаѣ, и въ то же время удивительная солидарность царитъ между ними. Каждая долина рѣки представляетъ собою какъ бы отдѣльное маленькое государство. Въ каждой долинѣ свои особые законы: «Тунь-Дянь-Лу», какъ говорятъ китайцы, т.-е. «Всеобще оповѣщенные правила».

На вопросы, задаваемые китайцамъ, существуетъ ли такой же порядокъ, строй... и такіе же законы у нихъ на родинѣ, они говорили «нѣтъ». А на вопросы, почему же здѣсь въ Приамурьѣ они живутъ другой жизнью, они отвѣчали: «Тамъ въ Китаѣ у насъ есть много всякихъ начальниковъ, а здѣсь, въ Уссурійскомъ краѣ начальства нѣтъ никакого». И въ самомъ дѣлѣ! Люди эти, поселившіеся въ глубинѣ горъ и лѣсовъ, долгое время были предоставлены самимъ себѣ. Должны же были они выработать себѣ какія нибудь правила, чтобы руководствоваться ими въ жизни! Тяжелыя условія самой жизни, борьба со стихійными силами природы, хунхузы, дикіе звѣри — все это наложило на ихъ характеръ грубый и жестокой отпечатокъ, а это послѣднее обстоятельство, какъ въ зеркалѣ, въ грубой и жестокой формѣ отразилось и въ самыхъ ихъ законахъ, которые они создали сами для своего общежитія.

Такъ было раньше, такъ оно есть и теперь. Условія жизни нѣсколько измѣнились только въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Старики китайцы частью вымерли, частью вернулись на родину, въ краѣ появился новый элементъ, сравнительно недавно пріѣхав-

шій изъ Китая, но китайцы все еще живутъ по прежнимъ своимъ долиннымъ законамъ: «Кровь за кровь и Око за око».

Отъ русскихъ они усиленно скрываютъ свою организацію и особенно старательно прячутъ свои законы.

Законы эти удалось достать только три раза. Одинъ разъ они добыты покойнымъ г. Пальчевскимъ, прожившимъ въ Уссурійскомъ краѣ 26 лѣтъ. Другой разъ, по счастливой случайности, въ 1906 году на р. Санхобѣ съ большимъ рискомъ мнѣ удалось достать два свертка такихъ законовъ. Законы были написаны на широкихъ лентахъ длиною аршинъ по 10 каждая. Оба свертка хранились въ особомъ тайникѣ въ кумирнѣ, позади глиняннаго бурхана. Надо было видѣть, какое волненіе среди мѣстнаго китайскаго населенія вызвала пропажа этихъ законовъ. Я едва унесъ ноги. Въ теченіе двухъ сутокъ я скрывался въ горахъ и затѣмъ кружной дорогой ушелъ черезъ хребетъ Сихотэ-Алинь къ р. Иману. И наконецъ въ 1908 году китайскіе законы были добыты на Иманѣ мировымъ судьей при производствѣ слѣдствія.

Разъ въ три года со всей долины собираются китайцы около кумирни, здѣсь они раскладываютъ костры и сжигаютъ бумажки по усопшимъ. По окончаніи этого обряда они приступаютъ къ выбору новыхъ должностныхъ лицъ, измѣняютъ, дополняютъ или вырабатываютъ новые законы. Это великій день, великій праздникъ, пріуроченный къ началу Новаго Года. Новые законы читаются вслухъ и подписываются всѣми присутствующими. Имена тазовъ пишутся послѣ китайцевъ на самомъ концѣ списка.

Содержаніе этихъ законовъ слѣдующее:

Всеобщее постановленіе:

«Составлено на 62 годъ (жизни на морскомъ побережьи) 15-го числа 1-й луны въ 24 году эры-Гуань-Сюй».

«Законы одинаковы для неба и земли, людей и растений. Въ теченіе 100 вѣковъ они смѣняются, какъ гости. Люди живутъ, какъ въ сновидѣніи, двигаясь впередъ и возвращаясь обратно. Время мчится быстро, но поле и огородъ созрѣваетъ и вянетъ, почему же не начинаютъ они цвѣсти сначала?!.. Въ дѣйствительности природа не измѣняется, но измѣняется наше сердце. Мы томимся мелочами жизни и не замѣчаемъ, что время мчится и уходитъ безвозвратно. Мы знаемъ, что будущее можетъ нагрянуть, но истинный путь дѣйствительности (смыслъ настоящаго) скрытъ далеко. Сегодня кажется такъ, завтра иначе. Спроси утреннею порою у враговъ, сражающихся при дорогѣ — нѣтъ у нихъ времени для отвѣта. Мы стоимъ у ограды завѣсы неизвѣстности и жаждемъ знать, что находится за нею».

Послѣ этого идетъ списокъ должностныхъ лицъ.
 «Пао-тоу—охотники (Охотничья дружина),
 Пао-тоу-Да-ѣ—Начальникъ охотниковъ «Чжанъ-Бао».
 Пао-тоу-банъ-банъ—помощникъ старшины охотниковъ.
 Охотники дѣлятся на 9 отдѣлений («пай»):
 «1, 4, и 6-ая дощечки—48 человекъ, 7-й пай—13 человекъ,
 9-й пай—9 человекъ, 8-й пай—16 человекъ».
 Среднее отдѣленіе: «2-ой пай—14 чел., 3-й пай—9 человекъ.
 Дощечки внѣшнихъ горъ, т.-е. за водораздѣломъ: 1-й пай—
 5 чел., 2-й пай—7 человекъ. Умершіе, которымъ сжигаются
 бумажки—14 человекъ».

Китайцы въ память умершихъ сжигаютъ золотыя и серебряныя бумажки („Кенъ-енъ-бо“), посылая усопшимъ такимъ образомъ въ загробный міръ, якобы золотыя и серебряныя деньги. Имена лицъ, которыя при жизни оказали общинѣ какія-либо особыя услуги, послѣ ихъ смерти заносятся въ особый памятный списокъ. Имъ то и сжигаются эти бумажки.

Далѣе слѣдуютъ:

«Цзунъ-Да-ѣ—главный старшина.
 Тунъ-Цзунъ-ли—главный исполнитель закона (лицо, соотвѣтствующее прокурору).
 Банъ-Да-ѣ—два главныхъ помощника старшины.
 Се-Банъ-Да-ѣ—четыре помощника главныхъ помощниковъ старшины. Одинъ изъ нихъ назначается специально для сношенія съ русскими властями, когда онѣ придутъ въ долину».

Когда я приходилъ въ китайское селеніе и требовалъ къ себѣ старшину—старшина являлся. Но это былъ, значить, не старшина, а именно одинъ изъ Се-Банъ-Да-ѣ, которому положено вѣдать сношеніями съ иностранцами.

«Другой изъ четырехъ упомянутыхъ должностныхъ лицъ вѣдаетъ общественнымъ хлѣбозапаснымъ магазиномъ».

Минъ-гуанъ—три человекъ главныхъ судей.
 Три человекъ слѣдователей. Одинъ изъ нихъ старшина морского побережья.

«Гуанъ—шесть человекъ судей. „Желѣзная голова“, т.-е. обладающій лучшею памятью. Затѣмъ, „Прошедшій всѣ долины и рѣки“, т.-е. проводникъ, знающій всѣ окрестности и еще 5 человекъ. Всѣ 13 предназначаются для исполненія порученій должностныхъ лицъ».

Далѣе идутъ: «1) Всеобщій совѣтчикъ (лицо, соотвѣтствующее нашему присяжному повѣренному).

2) Помощникъ совѣтчика.
 Тунъ-ли—главный писарь.

Банъ-Тунъ-Ли—его помощникъ.
 Тэхуси—защитникъ.
 По-Гунъ-дао—завѣдывающій почтой».

Въ рукахъ главнаго исполнителя закона (Тунъ-цзунъ-ли), какъ символа власти, имѣется красная дощечка, на ней надпись: «Ни вѣтеръ, ни дождь не задержатъ». Если онъ, придя въ фанзу показываетъ людямъ эту дощечку, всѣ тотчасъ же должны были бросать всякую работу, какъ бы она ни была спѣшной, и дѣлать то, что онъ имъ укажетъ. У помощника исполнителя закона есть другая дощечка «Огненная табличка» съ надписью «Хо-пай», что значитъ «Пожарная тревога».

Послѣ лицъ, выбранныхъ въ правленіе, начинается списокъ почетныхъ стариковъ «Да-ѣ». Списокъ этотъ раздѣленъ на три группы и составленъ въ порядкѣ по старшинству лѣтъ. Присматривая его, внимательный наблюдатель замѣчаетъ нѣкоторыя отступленія отъ порядка. Такъ, на примѣръ, среди стариковъ 1-ой категоріи видна фамилія одного сравнительно молодого китайца. Въ «Да-ѣ» онъ попалъ вслѣдствіе своего выдающагося ума. Почти въ самомъ концѣ среди младшихъ «Да-ѣ» помѣщенъ глубокой старикъ,—оказывается, что онъ тугъ на ухо и т. д.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что при составленіи списковъ «Да-ѣ» и при дѣленіи ихъ на три категоріи, взвѣшивались не только умственные способности стариковъ, но и физическіе ихъ недостатки. Послѣднее обстоятельство имѣетъ важное значеніе, потому что на судѣ всѣ ближайшіе къ окрестности «Да-ѣ» участвуютъ, какъ присяжные засѣдатели.

На прилагаемой при семъ фотографіи помѣщено рѣшеніе суда, документъ этотъ взятъ мною въ долинѣ рѣки Санхобэ. Изъ этого рѣшенія видно, что дѣло разбирали 32 человекъ, въ числѣ коихъ было 4 судьи и 28 «Да-ѣ». Вопросъ рѣшался объ убійствѣ мальчика. Хозяинъ китаецъ, къ которому мальчикъ былъ отданъ въ услуженіе, наказывая его палкой, переломилъ ему спинной хребетъ, отчего ребенокъ и умеръ. Съ согласія матери и въ пользу ея преступникъ былъ приговоренъ къ штрафу въ 800 рублей, или къ закапыванію живымъ въ землю, если онъ не уплатитъ всей суммы полностью къ извѣстному сроку. Вообще, при всякомъ разборѣ дѣла, съ согласія пострадавшаго наказаніе можетъ быть примѣнено, такъ сказать, и не по статьѣ закона, нерѣдко ограничиваясь однимъ денежнымъ штрафомъ.

Самый порядокъ общежитія долины, а равно и наказанія за

нарушения правилъ общаго постановленія изложены особо на отдѣльной лентѣ.

Эти правила начинаются опять указаніемъ даты времени правленія Гуань-суй, съ указаніемъ числа лѣтъ существованія организациі въ Уссурійскомъ краѣ.

«Тунь-Дянь-лу.—Правила обязательныя для всѣхъ.

1) Если злодѣй совершитъ убійство и ограбить покойника, то преступника закопать живымъ въ землю. Прощенія нѣтъ никогда.

2) Если, кто украдетъ въ отсутствіе хозяина изъ его дуйфанзы мѣха, панты и жень-шень или продовольствіе, то преступника связать и бросить въ рѣку. Прощенія быть не можетъ.

3) Если, кто будетъ посланъ съ срочной запиской и онъ по своей надобности задержится гдѣ-нибудь въ дорогѣ, то бить его палками безъ конца. Прощенія нѣтъ».

Этимъ объясняется удивительная быстрая передача всякихъ извѣстій, касающихся общественной безопасности. Вотъ почему, какъ только нашъ отрядъ показался въ низовьяхъ долины, вверху уже всѣ китайцы подробно знали о численности отряда и о направленіи его движенія.

4) «Каждый долженъ охранять свой домъ. Нельзя передавать его охрану другимъ. Каждый долженъ ходить по собственной звѣровой тропѣ, гдѣ у него стоятъ ловушки. Если кто пойдетъ ловить соболя по чужой тропѣ, то хозяинъ ея можетъ того безнаказанно убить, хотя бы былъ уже и большой снѣгъ въ лѣсу.

5) Если торгующій въ горныхъ долинахъ имѣетъ мѣха, жень-шень и панты и кто-либо украдетъ и сообщитъ объ этомъ Да-ѣ, то бросить преступника въ рѣку. Прощенія нѣтъ.

6) Если пьяный или поступавшій раньше дурно возьмется за ножъ или ружье и кто либо извѣститъ объ этомъ Да-ѣ, то дать злодѣю 40 ударовъ большими палками (Та-Банъ) и выгнать его изъ долины. Прощенія нѣтъ.

7) Если въ долинѣ что либо случится требующее созыва схода и Да-ѣ позоветъ всѣхъ, то, кто не придетъ, дать тому 40 ударовъ большими палками. Прощенія нѣтъ.

8) Если у кого-либо есть собственный домъ или хлѣбъ, то никто изъ постороннихъ не можетъ ихъ тронуть. Если же тронетъ и хозяинъ замѣтитъ и сообщитъ Да-ѣ, то дать ему 20 ударовъ большими палками. Взятое возвращается хозяину. Прощенія нѣтъ.

9) Если на берегу моря будетъ складъ товаровъ, то нельзя ихъ тайно брать. Если хозяинъ замѣтитъ и сообщитъ Да-ѣ, то дать виновному 20 ударовъ большими палками и наложить штрафъ въ 200 фунтовъ. Нѣтъ прощенья.

Штрафы поступаютъ въ общественный хлѣбозапасный магазинъ.

10) Если придетъ прохожій гость, купецъ-манза, то съ нимъ слѣдуетъ обращаться мягко и справедливо. Если за нимъ нѣтъ дурного дѣла, если онъ уплачиваетъ счета—то нельзя ему дѣлать ничего худого. Если кто поступитъ зло и о томъ узнаетъ Да-ѣ, то на того налагается штрафъ въ 200 фунтовъ товаровъ. Прощенія нѣтъ.

11) Если изъ другихъ мѣстъ появится никому неизвѣстный человекъ, то ему нельзя ночевать въ долинѣ. Если же онъ самовольно останется ночевать и хозяинъ не дастъ знать Да-ѣ, то виновный штрафуется на 200 фунтовъ. Прощенія нѣтъ.

12) Утверждается мѣра въ 60 цзинь (фунтовъ); какій цзинь въ 16 лань. Если у кого будетъ невѣрный фунтъ или мѣра, то Да-ѣ штрафуется того на 200 фунтовъ. Прощенія нѣтъ.

13) Воспрещается самовольно пускать палы. Если кто пуститъ огонь и сгорятъ чужія вещи и хозяинъ сообщитъ Да-ѣ, то виновный штрафуется въ пользу потерпѣвшаго. Если потерпѣвшій даетъ ложное показаніе о сгорѣвшихъ вещахъ, то онъ штрафуется на 200 фунтовъ.

Если кто будетъ пускать палъ послѣ общественнаго опаливанія 1 числа 4 луны, то дать ему 20 ударовъ большими палками».

Закапываніе живыхъ людей въ землю имѣетъ различныя степени наказанія въ зависимости отъ того, будутъ ли обстоятельства увеличивающія или уменьшающія вину преступника. Въ первомъ случаѣ въ могилѣ дѣлается обширный по размѣрамъ срубъ, чтобы закапываемый не сразу умеръ. Иногда при смягченіи вины въ головахъ преступника ставится зажженный фонарь, чтобы огонь горѣлъ на счетъ кислорода воздуха и, слѣдовательно, чтобы углекислота скорѣе произвела бы свое дѣйствіе на умирающаго.

Согласно ритуала, передъ самымъ совершеніемъ казни въ могилу входятъ двое старшихъ судей и обращаются къ людямъ съ рѣчью, что если народъ находитъ, что они осудили человѣка неправильно, то пусть ихъ самихъ тотчасъ закопаютъ въ этой могилѣ вмѣсто осужденнаго. Обычай требуетъ, чтобы они трижды сказали это и только послѣ этого они выходятъ наверхъ, а вмѣсто нихъ вводятся въ могилу преступникъ и приступаютъ къ совершенію казни. Деревянный срубъ заколачивается сверху толстыми досками и засыпается землею.

Во второмъ случаѣ, т. е. при уменьшеніи вины, копается только одна яма и никакого сруба не дѣлается. Закапываемаго

кладутъ на спину лицомъ вверхъ, исполнители держатъ его за ноги и за руки деревянными развилками.

При особо уменьшающихъ вину обстоятельствахъ—преступнику за полчаса до казни даютъ пить ханшишъ и опій.

Закапываніе живыхъ людей въ землю не отошло въ область преданій. Случаи такой казни у китайцевъ въ Уссурійскомъ краѣ имѣютъ мѣсто и по сіе время. Такъ, въ 1903 году на р. Санхобэ было закопано три человѣка. Въ 1905 году на рѣкѣ Такэмъ—2 человѣка. Въ 1906 году на р. Фудзинѣ я немного не засталъ погребенія двухъ человѣкъ.—Я опоздалъ на двое сутокъ. Здѣсь въ оврагѣ, не далеко отъ фанзы Юлайза, былъ похороненъ одинъ китаецъ и одинъ молодой красивый таза. Погребеніе было совершено вечеромъ. Отецъ таза очень жалѣлъ своего сына. Ночью онъ вмѣстѣ съ двумя своими сородичами пришелъ къ могилѣ и раскопалъ ее. Сынъ его былъ еще живъ, но въ безсознательномъ состояніи. Тазы засыпали яму и унесли умирающаго на рукахъ въ горы. Черезъ двое сутокъ больной умеръ, не приходя въ сознание. Тогда ночью они снова отнесли его на старое мѣсто и опять закопали его въ ту же могилу. Затѣмъ въ 1907 году закопанъ одинъ китаецъ на р. Ваку, въ 1909 году—заживо похоронили человѣка на р. Иманѣ и въ 1910 году такому наказанію была подвергнута корейка на р. Амгуни.

Не слѣдуетъ думать, что законы разныхъ долинъ одинаковы. Каждая община, сообразуясь съ мѣстными особенностями жизни, вырабатываетъ свои особые законы, часто совершенно отличные отъ законовъ сосѣдей. На рѣкѣ Иманѣ среди другихъ наказаній было обливаніе водою зимою голаго человѣка до тѣхъ поръ, пока онъ не превращался въ кусокъ льда. Такому наказанію въ 1902 году былъ подвергнутъ орочь—кекаръ Гялондига изъ стойбища Вагунбэ за то, что ѣздилъ съ жалобой на китайцевъ къ русскому начальству.

Въ законахъ на рѣкѣ Такэмъ и Кусунѣ особенно развитъ остракизмъ. Въ послѣднемъ случаѣ, если виновнаго изгоняютъ совсѣмъ изъ долины, то отъ него берутъ подписку такого содержанія:

«Я Джань-Ди-Шень, живущій на восточныхъ границахъ русскаго побережья (Хай-хэ) въ мѣстности Сан-хо-бэ-гоу, былъ главою многихъ преступленій. Отнынѣ мнѣ вѣчно не будетъ позволено войти въ долину Санхобэ, гдѣ столько я сдѣлалъ зла. Подчиняюсь рѣшенію судей Да-ѣ и прикладываю свою руку (вмѣсто печати)».

Изгоняемому намазываютъ ладонь руки тушью и онъ прикладываетъ ее къ постановленію. Всѣ складки ладони до мельчайшихъ подробностей остаются на бумагѣ такъ, что во всякое время можно точно установить, кому именно принадлежитъ рука, оставившая свой отпечатокъ.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одно обстоятельство. Всякій человѣкъ, пришедшій въ долину, хотя бы только на однѣ сутки, непременно долженъ подчиняться ея законамъ, какъ бы суровы они не были.

Если преступникъ будетъ приговоренъ къ наказанію, ему не избѣжать его даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ ушелъ въ другую долину. Специально посланные найдутъ его всюду и при содѣйствіи мѣстныхъ Да-ѣ онъ будетъ доставленъ къ мѣсту казни или пытки.

Помѣщенная ниже фотографія есть снимокъ, сдѣланный есауломъ Февралевымъ (поселокъ Графскій на станціи Иманъ) съ троихъ тазовъ, осужденныхъ китайцами къ закапыванію въ землю живыми. Это было въ августѣ 1905 года. Они изъ мести убили кредитора китайца. За это по долиннымъ законамъ р. Имана имъ надлежало это тяжелое наказаніе. Тазы бѣжали за Уссури въ Маньчжурію, но китайцы розыскали ихъ тамъ и при посредствѣ мѣстныхъ властей доставили ихъ на Иманъ обратно. Объ этомъ узналъ есаулъ Февралевъ и вмѣшался въ дѣло. Тазы были освобождены, но это не спасло ихъ отъ смерти. Не смотря на то, что они ушли на рѣку Ното, въ томъ же году они всѣ трое были убиты.—Это приписали хунхузамъ.

Въ Приамурскихъ вѣдомостяхъ въ 1895 году за № 288 былъ напечатанъ одинъ экземпляръ подобнаго рода правилъ китайской ассоціаціи. Эти законы какъ я уже сказалъ были добыты покойнымъ г. Пальчевскимъ на р. Иманѣ. Они были написаны на большомъ листѣ красной бумаги и наклеены на стѣнѣ въ фанзѣ писаря Цзунъ-ли.

Просмотрѣвъ ихъ и сравнивъ съ прочитанными выше, читатели увидятъ, что онѣ во многомъ отличаются отъ законовъ, добытыхъ мною въ долинѣ рѣки Санхобэ въ 1907 году.

„Гуанъ-Сней 22 лѣтъ февраля 13 дня“.

Законы общественнаго правленія.

§ 1. Карточная игра на деньги разрѣшается съ 1-го по 20-е января, а на съѣстное—съ 15-го августа по 15-е марта. Въ по-

слѣднемъ случаѣ выигрышъ уплачивается натурою и сообща съѣдается, хозяинъ долженъ продавать все требуемое игроками на деньги.

За игру не на съѣстное хозяинъ подвергается оштрафованію 1 быкомъ и 15 пуд. муки.

§ 2. За продажу соболя не своему цай-туну (т. е. кредитору, хозяину) виновный подлежитъ 40 палкамъ и возвращенію соболя по принадлежности.

§ 3. За несдачу добытаго жень-шеня своему цай-туну виновный подвергается 40 палкамъ и изгнанію съ Имана.

§ 4. За тайную отъ цай-туна куплю (?) пантовъ—40 палокъ.

§ 5. Прохожій имѣетъ право проживать въ каждой фанзѣ по 3 сутокъ бесплатно, а затѣмъ обязанъ платить по 40 копѣекъ, за первые три дня новаго года—по 5 рублей.

§ 6. За драку и ругань 40 ударовъ палокъ и 7 пудовъ провизіи.

§ 7. Раненый ружьемъ или ножомъ долженъ находиться подъ наблюдениемъ Да-ѣ 18 дней и, если умретъ, виновный подвергается погребенію заживо. Хозяинъ-же, упустившій убійцу, наказывается 20 палками и 15 пудами муки.

§ 8. За обманъ—40 палокъ.

§ 9. Членъ артели, укравшій чужую вещь, долженъ быть немедленно обличенъ и представленъ на судъ для наказанія 40 палками и 13 пудами муки.

§ 10. Орочены обязаны возить манзъ на лодкахъ по слѣдующей таксѣ: за 2-хъ человѣкъ съ 30 пуд. груза:

до уроч. Ченза (85 верстъ отъ устья р. Има).	18 руб.
» » Мяо-линъ (120 вер.).	24 »
» » Картунъ (144 вер.).	30 »
» фанзы Ли-чин-фу (280 вер.).	42 »
» уроч. Сидя-Тунъ (389 ».)	72 »

§ 11. За обвѣшиваніе на безмѣнѣ—20 палокъ и 7 пудовъ провизіи.

§ 12. За кражу въ китайской фанзѣ—40 палокъ и изгнаніе изъ Имана.

§ 13. За кражу въ балаганѣ—40 палокъ.

§ 14. За ссору изъ-за загнанной собаки—40 палокъ.

§ 15. За куплю-продажу большой рысей шкуры тайно отъ цай-туна—40 палокъ и возвратъ шкуры по принадлежности.

§ 16. Работникъ и половинщикъ («кулаширъ»), за оставленіе хозяина ранѣ одного года не только ничего не получаетъ, но обязанъ вознаградить хозяина.

§ 17. За напрасный сборъ общества Да-ѣ обязаны возмѣстить убытки.

§ 18. За несвоевременное совершеніе священныхъ обычаевъ (кхэту)—работнику 40 палокъ, а хозяину 13 пудовъ провизіи штрафа.

§ 19. Китаецъ, не вернувшій тазу отобранное ружье къ 15 апрѣля подвергается штрафу.

§ 20. Для проживанія свыше 3 дней, неизвѣстный хозяину прохожій долженъ представить поручителя, что однако, не избавляетъ хозяина отъ отвѣтственности за проступки проживающихъ у него.

§ 21. Каждая артель обязана имѣть проводника за плату 4 руб. сверхъ пая добычи.

Провинившійся Да-ѣ ставится на колѣни на время сгоранія «сяна» (курительной свѣчи изъ гнилушки, длиною въ $\frac{1}{2}$ аршина) и кромѣ того:

за 1 вину	штрафъ.
» 2 вины	» и палка.
» 3 »	палки
» 4 »	»
» 5 »	»
» 6 »	»

Провинившійся судебный писарь (цунъ-ли) ставится на колѣни на время сгоранія 3 «сяновъ» и штрафуется «быкомъ».

Документы, попавшіе въ руки Иманскаго мирового судьи и переведенные студентомъ Восточнаго Института И. И. Пѣтелинымъ ¹⁾ представляютъ собою два свитка изъ краснаго кумача, длиною одинъ—около четырехъ саженой, а другой—около 3-хъ. Свитки исписаны съ одной стороны китайскими іероглифами и представляютъ изъ себя списокъ участниковъ и правила названнаго общества. Длинный свитокъ содержитъ перечень фамилій участниковъ общества. Перечню предшествуетъ нѣчто вродѣ воззванія, приглашающаго участниковъ жить въ дружбѣ и оказывать взаимную помощь, какъ завѣщано легендарными китайскими героями мифологическаго міра.

Это воззваніе гласитъ слѣдующее: «Послѣ Панъ-гу (такъ называемаго китайскаго Адама) царствовали три императора (Санъ-хуанъ), а затѣмъ пять императоровъ (съ 2852 по 2205 до Р. Х.). Во времена же удѣльныхъ княжествъ (при Чжоуской династіи, царствовавшей съ 1122 по 255 годъ до Р. Х.) отличались (взаимною дружбою) Цзо-Ботао и Янь-цзюэ-ай. При Ханьской династіи (съ 206 г. до Р. Х. по 220 годъ послѣ Р. Х.) прославились Лю-Бэй, Гуань-Юй и Чжанъ-фэй. Всѣмъ извѣстно, что среди пяти общественныхъ отношеній считается также дружба. Что же касается дружбы, то она является добродѣтельною человѣка. Хотя наши люди, заключившіе это братство, не осмѣливаются приравнивать себя по проницательности прежнимъ мудрецамъ, но

¹⁾ Извѣстія Восточнаго Института, томъ XXIX.

все же они могут хотя бы нѣсколько приближаться къ древнимъ. Такъ какъ единодушіе Гуань Чжун'а и Бао Шу-я привело къ большому успѣху, и дружба Линь-Сянъ-жу и Лянь-По не знала недоразумѣній, то потомки ихъ называютъ святыми и мудрыми. Хотя члены нашего братства не осмѣливаются приравнять себя братскому союзу, заключенному въ мѣстности Тао-юань (выше упомянутыми Лю-Бэй'емъ, Гуань-Юй'емъ и Чжанъ-Фэй'емъ), но все же они не должны подражать союзу Сунь-Бин'я и Панъ-Цзюан'я, которые впоследствии сдѣлались злѣйшими врагами¹⁾.

За воззваніемъ идетъ перечень именъ, которыя раздѣлены на тринадцать категорій, или разрядовъ (пай, собств. «дощечка») по возрасту лицъ. Первому лицу первой категоріи — 79 лѣтъ, а послѣднему лицу 13-й категоріи — 20 лѣтъ. Старшій членъ старшаго разряда пользуется званіемъ «Цзунъ-лао-да», (атамана), а первыя лица прочихъ разрядовъ называются «Да-ѣ», или старшинами. При именахъ обозначены возрастъ и мѣсяцъ и день рожденія носящаго данное имя. При именахъ нѣкоторыхъ участниковъ обозначены должности, которыя занимаютъ данныя лица въ обществѣ.

Изъ такихъ должностей отмѣтимъ атамана, старшинъ каждаго разряда, помощниковъ ихъ, судей, различныхъ старостъ и писарей. Всѣхъ участниковъ общества — болѣе трехсотъ.

Разсматривая именной списокъ членовъ можно придти къ заключенію, что общество «Гунъ-и-хуэй», основано лѣтъ 50—55 тому назадъ нѣсколькими лицами — можетъ быть около 10. Съ теченіемъ времени къ основателямъ общества примкнули ихъ братья, сыновья, родственники и близкіе знакомые, и такимъ образомъ численный составъ общества достигъ указанной величины.

Второй изъ упомянутыхъ свитковъ представляетъ собою 36 законовъ общества Гунъ-и-хуэй. Такъ какъ многіе изъ нихъ представляютъ интересъ въ различныхъ отношеніяхъ, то ниже приводится полный переводъ всего второго свитка.

Законъ 1-й.

«Братья нашего округа должны знать, что по изданнымъ старшинами (Да-ѣ) нашего округа законамъ каждый годъ на одинъ мѣсяцъ разрѣшается открывать игорные дома, въ которыхъ можно играть въ карты, въ кости и въ пластинки съ зало-

¹⁾ Полумифическіе и полусторическіе герои: Гуань-Чжунъ, Бао-Шуй'а, Линь-Сянъ-жу, Лянь-По, Сунь-Бинъ и Панъ-Цзюанъ жили во времена Чжоу'ской династіи.

говымъ обезпеченіемъ. Игорные дома могутъ открываться только людьми, принадлежащими къ отдѣленіямъ братства. Не разрѣшается открывать игорные дома пришельцамъ, а также — тайные игорные дома. Писцы и завѣдующіе игорными домами также не могутъ быть изъ пришельцевъ. Кто же нарушитъ эти окружныя правила, у того конфискуется имущество въ количествѣ 400 китайскихъ фунтовъ¹⁾, отбирается одна жирная свинья, и, сверхъ того, виновный подвергается двадцати ударамъ бамбукомъ. Если же такой гайный игорный домъ просуществуетъ больше одного дня, то все имущество конфискуется въ пользу общества Гуанъ-и-хуэй. Открытіе игорныхъ домовъ разрѣшается съ 15-го числа 11-го мѣсяца, а закрываются они въ 12-мъ мѣсяцѣ 15-го числа. Не разрѣшается также открывать тайные игорные дома работающимъ въ лѣсу и десятникамъ. Виновные въ этомъ подлежатъ допросу и суду по окружнымъ правиламъ и законамъ. Не разрѣшается открывать игорные дома также въ стойбищахъ инородцевъ, («да-цзы») ²⁾.

Ни въ коемъ случаѣ не должно быть изъятій изъ этого закона.

Законъ 2-й.

Въ округѣ общества Гуанъ-и-хуэй существуетъ законъ, что всякій, кто проникнетъ въ складъ темною ночью съ цѣлью похищенія собольихъ шкуркъ, подлежитъ зарытію живымъ въ землю.

Не должно быть никакого снисхожденія.

Законъ 3-й.

Всякій, кто выкопаетъ корень жень-шень, будетъ ли этотъ жень-шень горный или искусственно культивированный, подлежитъ смерти черезъ утопленіе въ рѣкѣ.

Ни въ коемъ случаѣ не прощать.

Законъ 4-й.

Всякій, кто украдетъ оленье рога (панты), будетъ ли это въ горныхъ заимкахъ или въ посадѣ, подлежитъ зарытію живымъ въ землю.

Ни въ коемъ случаѣ не должно быть изъятій изъ этого закона.

¹⁾ Цзинь, или гинь = 16 вѣсовыхъ лянъ.

²⁾ Въ просторѣчій китайцы называютъ дадзаями всѣ монгольскія и тунгусско-манджурскія племена. Это слово происходитъ отъ стариннаго названія монголовъ даданъ (татары). Въ Приморской области это слово (газы) заимствовало также русскіе, назвавъ этимъ именемъ орочское племя удихэ (Ред.).

Законъ 5-й.

Всякій, кто украдетъ собольихъ шкурокъ въ количествѣ до пяти штукъ, подлежитъ наказанію сорока палочными ударами и изгнанію изъ нашего округа. Кто же украдетъ ихъ болѣе пяти штукъ, тотъ подлежитъ зарытію живымъ въ землю.

Не должно быть никакого снисхожденія.

Законъ 6-й.

Всякій, кто украдетъ небольшое количество корня жень-шеня, подлежитъ наказанію 40 палочными ударами и изгнанію изъ нашего района. Кто же украдетъ большое количество его въ посаженномъ или засѣянномъ видѣ или просто подберетъ уже собранные корни, тотъ, по нашимъ окружнымъ правиламъ, подлежитъ зарытію живымъ въ землю.

Ни въ коемъ случаѣ не прощать.

Законъ 7-й.

Всякій, кто украдетъ деньгами или имуществомъ до 100 руб., подлежитъ наказанію 40 палочными ударами и изгнанію изъ округа.

Ни въ коемъ случаѣ не должно быть изъятій изъ этого закона.

Законъ 8-й.

Всякій, кто имѣетъ свѣдѣнія о разбойникахъ или ворахъ, или только слышалъ о нихъ, но не доноситъ о томъ, является виновнымъ по одному закону съ разбойниками.

Ни въ коемъ случаѣ не прощать.

Законъ 9-й.

Если наемный охотникъ достанетъ шкуры, то онъ долженъ передать ихъ своему хозяину и только на другой день (т.-е. съ разрѣшенія хозяина) можетъ пустить шкуры въ продажу. Кто же нарушитъ этотъ законъ, у того отбирается находка, и виновный подвергается наказанію 40 палочными ударами и изгнанію изъ округа.

Законъ 10-й.

Если товарищи, отправляющіеся на промыслы въ горы, найдутъ что-нибудь, то они должны объ этомъ заявить хозяину. Отнюдь не разрѣшается перепродавать находку секретнымъ образомъ. У всякаго, нарушившаго данный законъ, отбирается находка и виновный подлежитъ наказанію 40 палочными ударами и изгнанію изъ округа.

Законъ 11-й.

Если инородцы (да-цзы) вмѣстѣ съ членами братства достанутъ панты, то не разрѣшается имъ присваивать ихъ однимъ; не разрѣшается также эти олени рога секретно перепродавать.

Виновный въ покупкѣ ихъ платитъ тройную ихъ стоимость, панты отбираются, а виновные да-цзы подлежатъ сорока палочнымъ ударамъ.

Законъ 12-й.

Всякому путешественнику, приходящему въ округъ или покидающему его, разрѣшается три дня жить бесплатно; послѣ же трехъ дней всякій платитъ за ночлегъ и харчи по 40 копѣекъ въ день. За время же праздниковъ Нового Года взыскивается особо 15 рублей.

Родственники и друзья принимаютъ мѣры къ взаимному соблюденію этого закона.

Законъ 13-й.

Строго запрещается заводить ссоры, драться и браниться площадной бранью. У всякаго виновнаго въ этомъ отбирается на 200 китайскихъ фунтовъ имущества, и, сверхъ того, виновный наказуется 40 ударами бамбукомъ.

Законъ этотъ строго соблюдается.

Законъ 14-й.

Всякій, кто ружьемъ или палкою ранитъ человѣка или же ножомъ нанесетъ раны, но не смертельныя, подлежитъ наказанію 40 палочными ударами и изгнанію изъ округа. Всякій, кто скроетъ такого злодѣя, также является виновнымъ. Виновный въ нанесеніи тяжелыхъ и серьезныхъ ранъ кормитъ и лѣчитъ потерпѣвшаго въ теченіи 18 дней. Послѣ полного выздоровленія раненаго у виновнаго конфискуется на 400 китайскихъ фунтовъ имущества, и виновный наказуется 20 палочными ударами.

Законъ этотъ строго соблюдается.

Законъ 15-й.

Не разрѣшается никому заниматься сплетнями, пересудами и злословіемъ. Виновные въ этомъ подлежатъ наказанію 40 палочными ударами.

Законъ 16-й.

Всякій, кто узнаетъ, что его товарищъ заболѣлъ, долженъ объ этомъ извѣстить кого слѣдуетъ. Если же случится, что товарищъ скоростижно умретъ, то тѣло должно быть доставлено въ поселокъ для освидѣтельствованія. Всякій виновный въ нарушеніи даннаго закона подлежитъ наказанію 40 палочными ударами и изгнанію изъ округа.

Ни въ коемъ случаѣ не должно быть изъятій изъ этого закона.

Законъ 17-й.

Всякій выбывающій изъ района или же прибывающій можетъ имѣть на одной лодкѣ имущества или товаровъ въ количествѣ 1000 фунтовъ по дадзовскимъ вѣсамъ. До мѣстности Чэнь-цзы

полагается плата (конечно, въ пользу общества Гунь-и-хуэй) въ три лана шкурками или серебромъ; до мѣстности Мяо-эръ-лина—четыре лана, до мѣстности Ха-ли-тунъ—пять ланъ; до мѣстности Си-нань-ча—семь ланъ; до мѣстности Си-да-тунъ—десять ланъ. Во всѣхъ случаяхъ—шкурками или серебромъ.

Законъ 18-й.

Мѣра для вѣса сыпучихъ тѣлъ должна быть вѣсомъ въ 70 китайскихъ хали-тунскихъ (см. зак. 17) фунтовъ. У всякаго виновнаго въ нарушеніи этого закона конфискуется на 200 фунтовъ имущества, и виновный наказуется двадцатью ударами бамбукомъ.

Законъ 19-й.

Всякому, кто останавливается на ночлегъ, будетъ ли то мань (т.-е. мань-цзы—китаецъ), да (да-цзы—инородецъ) или мяо-пи-цзы («съ накрашенной кожей»—очевидно, русскій), работникъ или купецъ, дозволяется только занимать помѣщеніе, но не разрѣшается ломать и портить вещи и домашнюю утварь. Всякій виновный въ нарушеніи даннаго закона подлежитъ 40 ударами бамбукомъ.

Законъ 20-й.

На рыбалкахъ, китайцамъ, да-цзы и, вообще, случайнымъ пришельцамъ не разрѣшается тайнымъ образомъ заниматься рыболовствомъ. Всякій виновный въ этомъ наказуется двадцатью ударами бамбукомъ.

Законъ 21-й.

Не разрѣшается останавливать и требовать старые долги съ людей, везущихъ пассажировъ на грузовыхъ дадзовскихъ лодкахъ, а зимой—на грузовыхъ саняхъ. Всякій виновный въ этомъ подлежитъ сорока ударамъ бамбукомъ.

Законъ 22-й.

Имѣть въ посадѣ собакъ—очень важное дѣло. Если кто-нибудь попроситъ ихъ на нѣкоторое время въ пользованіе, то нужно всегда на этотъ счетъ составить условіе. Если же условіе не было составлено, и собаки убѣгутъ или околѣютъ, то хозяинъ ихъ не имѣетъ права требовать вознагражденія. Всякій виновный въ нарушеніи даннаго закона подлежитъ сорока палочнымъ ударамъ.

Законъ 23-й.

Если да-цзы достанетъ рысью шкуру, то онъ долженъ передать ее своему хозяину, но не разрѣшается эту шкуру отдавать за свой старый долгъ. Кто же самовольно совершитъ такой проступокъ, тотъ подлежитъ сорока ударамъ бамбукомъ.

Законъ 24-й.

Если хозяинъ какой-либо заимки найметъ работниковъ за деньги или только за харчи, то хозяину не разрѣшается въ по-

ловинѣ года разсчитывать таковыхъ, а онъ долженъ держать ихъ до осени, такъ какъ до этого времени нельзя учинить точный расчетъ жалованья. Если же они проживутъ и за Новый Годъ, то платять за это тридцать рублей.

Сообщается лишь для руководства.

Законъ 25-й.

Хозяину, нанявшему работника за деньги или нищаго, не разрѣшается въ половинѣ года разсчитывать таковыхъ. Виновный въ нарушеніи сего закона подлежитъ суду и отвѣтственности, какъ по предыдущему закону.

Законъ 26-й.

Да-цзы и китайцы, имѣющіе между собою тяжбы, должны всегда обращаться за разрѣшеніемъ ихъ къ старшинамъ округа. Издержки и содержаніе арестованнаго падаютъ на счетъ проигравшаго тяжбу.

Законъ 27-й.

Въ предѣлахъ округа запрещается составлять тайное панибратство или родство. Если хозяинъ дома знаетъ о заключенномъ у него братствѣ и не извѣщаетъ объ этомъ кого слѣдуетъ, то конфискуется у него на 400 фунтовъ имущества, а виновные въ тайномъ панибратствѣ и родствѣ наказуются—каждый 20 ударами бамбукомъ.

Законъ 28-й.

Если да-цзы долженъ кому нибудь и платитъ за это товаромъ, то товаръ считается по цѣнамъ округа. Требовать съ него ружье можно только до шестнадцатаго числа третьяго мѣсяца. Послѣ этого срока можно взять его ружье только въ томъ случаѣ, если у него нѣтъ другихъ вещей.

Это сообщается лишь для руководства.

Законъ 29-й.

На заимкахъ, въ посадѣ или устьѣ рѣки—нанимающій работникъ долженъ имѣть поручителей. Если по прибытіи рабочихъ на мѣсто службы происходитъ какое-нибудь преступленіе, то отвѣчаетъ хозяинъ.

Наказаніе должно быть по закону и безъ промедленія.

Законъ 30-й.

Посторонніе (вай-цзя—внѣшняго дома), праздные люди (фу-ла-ца) ¹⁾ и бродячіе (гэ-лу—разныхъ мѣстностей) да-цзы отличаются хитростью и корыстолюбіемъ и причиняютъ хозяину раз-

¹⁾ Фу-ла-цзы, по объясненію мѣстныхъ китайцевъ, означаетъ тоже самое, что канъ-ца въ Тяньцзинѣ и да-сянь-эръ-ди въ Пекинѣ, т.-е. бездѣльникъ, праздный человѣкъ. Такіе люди бывають обыкновенно въ игорныхъ домахъ и прислуживають игрокамъ. Ред.

няя неприятности. Теперь рѣшено, что на будущее время, если хозяинъ принимаетъ такихъ людей, заключается взаимное условіе по закону. Если они занимаютъ общее помѣщеніе, то получаютъ половину расходовъ. Если же они занимаютъ большія помѣщенія, то харчей не получаютъ. Подрядчикъ платитъ два лана хорошимъ серебромъ и два лана менѣе доброкачественнымъ. Хозяинъ не обязанъ давать имъ разные товары, опій или какія-нибудь другія деньги. Всѣ доходы и расходы дѣлятся по паямъ. У нарушающаго этотъ законъ конфискуется на четыреста фунтовъ имущества, и онъ подвергается сорока ударамъ бамбукомъ.

Законъ 31-й.

Если работники, отправившіеся въ горы, вслѣдствіе большого снѣга или болѣзни не могутъ вернуться назадъ, то хозяинъ обязанъ послать на розыски и помочь имъ возвратиться. У хозяина, виновнаго въ нарушеніи сего закона, конфискуется на двѣсти китайскихъ фунтовъ имущества, и, кромѣ того, виновный подвергается наказанію 20 ударами бамбукомъ.

Законъ 32-й.

Въ зимнее время путешественникамъ и купцамъ не разрѣшается на саняхъ возить водку для продажи ея въ горахъ. Разрѣшается имѣть только для своей надобности водки до 10 фунтовъ. У кого же будетъ водки болѣе десяти фунтовъ, тотъ считается виновнымъ. У виновнаго конфискуется на двѣсти китайскихъ фунтовъ имущества, и онъ наказуется двадцатью ударами бамбукомъ.

Законъ 33-й.

Всякій путешественникъ или купецъ, проѣзжающій черезъ районъ, платитъ за стоянку и ночлегъ въ день въ гостинницѣ отъ мѣстности Коу-цзы до Чэнь-цзы (см. зак. 17) или Бань-лаво-цзя—40 копѣекъ, до Мяо-эръ-лина (см. законъ 17)—50 коп.; до Цинь-цзу-га-ла-тун'а—60 копѣекъ; до мѣстностей Тай-цзя-бэ, Си-бэй-ча, Сянь-шуй-хэ-цзы, Лао-лю-шан'а—70 копѣекъ; до Хо-ши-гоу-цзы—80 копѣекъ; до Си-да-тун'а (см. зак. 17)—1 рубль; до Ша-хэ-цзы—1 р. 20 коп.; до мѣстности Кунь-лунъ-бэ, Сань-ча-цзы—1 р. 20 коп. Если же проѣзжающій доѣдетъ до границы района, то онъ можетъ остановиться въ двухъ верстахъ за границею.

Просимъ извинить нашихъ друзей.

Законъ 34-й.

Никакому купцу—ни въ посадѣ ни за границей его, ни богачу ни бѣдному—не разрѣшается въ горахъ продавать товары или производить куплю-продажу собольихъ шкуркъ. У виновнаго въ нарушеніи сего закона конфискуется на двѣсти китайскихъ фунтовъ имущества, отбирается одна жирная свинья, и, кромѣ того, виновный наказуется двадцатью ударами бамбукомъ.

Не должно допускать изыятій изъ этого закона.

Законъ 35-й.

Въ округѣ купцамъ, имѣющимъ старые долги за инородцами (да цзы), разрѣшается отправляться въ горы и требовать свои долги. Но отнынѣ впредь уже не разрѣшается по старому кредиторамъ отправляться къ инородцамъ (да-цзы), и требовать новые долги. Только когда да-цзы съ санями возвращается съ охоты домой, можно требовать съ него долгъ. Если да-цзы не имѣетъ дома, то долгъ разрѣшается требовать только на рѣкѣ. У виновнаго въ нарушеніи сего закона конфискуется находящагося при немъ имущества на двѣсти китайскихъ фунтовъ, отбирается одна жирная свинья, и виновный наказуется двадцатью ударами бамбукомъ.

Законъ 36-й.

Если да-цзы долженъ китайцу деньги, будетъ ли то большая или малая сумма, то не разрѣшается китайцу стрѣлять изъ ружья, а также снимать съ должника одежду. У виновнаго въ нарушеніи этого закона конфискуется имущества на двѣсти китайскихъ фунтовъ, отбирается одна жирная свинья, и виновный наказуется двадцатью ударами бамбукомъ.

Въ 32-й годъ правленія Гуанъ-Сюй'я 4-го числа 3-ей луны (т. е. 15 марта 1906 года).

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что въ китайскихъ законахъ нигдѣ ничего не говорится о женщинахъ. Это потому, что китайскихъ женщинъ въ краю не было (въ настоящее время изрѣдка встрѣчаются маньчжурки и то въ городахъ у богатыхъ купцовъ и подрядчиковъ). Китайцы просто отбирали женщинъ силою отъ инородцевъ и этотъ вопросъ считали настолько неважнымъ, что не включали его даже и въ свои законы.

Такъ живутъ китайцы въ Уссурійскомъ Краѣ, такова ихъ сила и организація.

Свѣдѣнія объ экспедиціяхъ штабсъ-капитана

В. К. Арсеньева ¹⁾.

(Путешествія по Уссурійскому краю).

Водораздѣломъ между рѣками, текущими къ морю и рѣками, несущими свои воды въ Уссури и къ Амуру, является дикій и малодоступный горный хребетъ Сихота-Алинь. Изъ изслѣдователей перешедшихъ этотъ водораздѣлъ отъ Уссури и Амура къ морю

¹⁾ Свѣдѣнія о своихъ экспедиціяхъ шт.-кап. Арсеньевъ любезно доставилъ по просьбѣ редакціи «Извѣстій» И. Р. Г. О. Ред.

известны: Пржевальский, Будищевъ, Максимовичъ—въ южно-Уссурийскомъ краѣ и Д. В. Ивановъ, М. И. Ивановъ и Г. Эдельштейнъ—въ сѣверной его половинѣ. Что же касается до другихъ изслѣдователей, посѣтившихъ страну въ томъ или другомъ мѣстѣ и оставившихъ свой слѣдъ въ научной литературѣ то, помимо классическаго произведенія академика Шренка, мы знаемъ Маака, Буссе, Будищева, Большева, Максимовича, Маргаритова, Брайловскаго, Холодова, Алябьева, Надарова и друг. Въ 1894 году охотничьи команды 1-й и 2-й Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ бригадъ подъ начальствомъ молодыхъ офицеровъ (тогда еще подпоручиковъ) Горскаго и Пельгорскаго пытались проникнуть къ морю пор. р. Бикину и Иману, но перевалить водораздѣлъ имъ не удалось и «послѣ неимовѣрныхъ усилий и чрезвычайныхъ лишений, вплоть до человѣческихъ жертвъ включительно, они вернулись по тѣмъ же рѣкамъ обратно».

Наконецъ съ 1900 по 1909 годъ 23-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Штабсъ-Капитанъ Арсеньевъ предпринимаетъ цѣлый рядъ путешествій по Уссурийскому краю, поставивъ себѣ цѣлью изслѣдованіе центральной части горной области Сихота-Алиня въ такихъ мѣстахъ, гдѣ еще не было сдѣлано пересѣченій предшествующими изслѣдованіями. На картѣ показаны мѣста гдѣ Штабсъ-Капитанъ Арсеньевъ производилъ свои изслѣдованія. Красныя линіи обозначаютъ маршруты.

Южная часть Уссурийскаго края—отъ Посыета до р. Суйфуна и къ востоку до Зал. Св. Ольги была обрекогносцирована имъ въ промежутокъ времени между 1900 и 1903 годами включительно.

Въ началѣ всѣ поѣздки предпринимались имъ по доброй волѣ, на личныя средства, самостоятельно, на свой страхъ и рискъ, часто въ одиночку, съ однимъ или двумя стрѣлками изъ числа желающихъ побродить по тайгѣ, въ горахъ—на волѣ.

Въ 1902 и 1903 г. г. Г. Арсеньевъ, состоя начальникомъ охотничьей команды, имѣлъ уже возможность предпринимать и болѣе отдаленныя экскурсіи, съ цѣлью изученія окрестностей и сбора статистическихъ данныхъ о населеніи. Попутно съ веденіемъ развѣдокъ чисто военнаго характера, имъ велись и дневники, въ которыхъ записывались тѣ наблюденія, которыя могли представить интересъ научный, по географіи края. Только два раза, а именно въ 1901 и 1902 г. г. удалось пройти къ Посыету, обыкновенно же центромъ изслѣдованій были Шкотово, р. Су-

чанъ, р. Судзухэ, Сяухэ, р. Лефу и озеро Ханка. Поднимаясь вверхъ по рѣкамъ Сучану и Майхэ, отряду удалось дважды перевалить водораздѣлъ «Да—Дянь—Шань» и выйти одинъ разъ на р. Улахэ къ д. Каменкѣ, другой разъ на р. Даубихэ къ ур. Анучину и далѣе къ почтово-телеграфной станціи Ла-заревой.

Русско-Японская война 1904 и 1905 г. г. приковала всѣхъ къ мѣсту. Однако Г. Арсеньевъ, состоя начальникомъ всѣхъ охотничьихъ командъ Владивостокскаго гарнизона, все же не былъ въ стѣнахъ крѣпости, а рекогносцировалъ около станціи Надеждинской. Границами его развѣдокъ были на сѣверѣ Никольскъ-Уссурийскій, на западѣ р. Суйфунъ и на востокѣ р. Майхэ.

Въ 1906 году послѣ заключенія мира и демобилизаціи арміи при содѣйствіи Приамурскаго Генераль-Губернатора Сенатора П. Ф. Унтербергера подъ общимъ начальствомъ и руководствомъ Штабсъ-Капитана Арсеньева была снаряжена первая большая экспедиція ¹⁾ для обслѣдованія прибрежнаго раіона въ Зауссурийскомъ краѣ къ сѣверу отъ залива Св. Ольги и къ западу отъ водораздѣла въ системѣ истоковъ р. Уссури и ея притоковъ между верховьями Лифудзина и р. Имана. Цѣль экспедиціи колонизаціонная, военно-географическая и попутно естественно-историческая. Въ этой экспедиціи въ качествѣ флориста принималъ участіе [нынѣ покойный] Г. Пальчевскій, Н. А. Во второй половинѣ мая экспедиціонный отрядъ (сибирскіе стрѣлки и Уссурийскіе казаки) съ 12 вьючными конями выступилъ отъ Уссурийской желѣзной дороги вверхъ по р. Уссури и, дойдя до слиянія р. р. Даубихэ и Улахэ, направился по этой послѣдней, затѣмъ пошелъ далѣе по р. Фудзину до фанзы Юлайза, а оттуда по южному Лифудзину къ хребту Сихота-Алиню. На этомъ пути отрядъ дважды заблудился въ горахъ. Одинъ разъ на переходѣ отъ фанзы Джумтайзы къ устью Фудзина мимо китайскаго селенія Ното, другой разъ въ горахъ Сихота-Алиня.

Послѣ большихъ затрудненій путешественники перевалили черезъ хребетъ, сильно утомленные спустились по р. Вай-Фудину и вышли къ морю къ заливу Св. Ольги.

Здѣсь, давъ отдохнуть лошадямъ и пополнивъ свои запасы, Г. Арсеньевъ рѣшилъ продолжать обслѣдованія. Подвигаясь къ сѣверу, онъ со своимъ отрядомъ поднимался по всѣмъ встрѣ-

¹⁾ Приказъ войскамъ Приамурскаго военнаго округа отъ 22 мая 1906 года за № 404.

чающимся ему на пути рѣчкамъ до самыхъ ихъ истоковъ, восемь разъ перевалилъ Сихота-Алинь и выходилъ то на р. Лифудзинъ то на Иманъ, то на р. Ното, несущихъ свои воды къ Уссури на западъ.

Отъ моря конечный путь экспедиціи былъ по р. Санхобэ [бухта Терней] черезъ водораздѣлъ на Иманъ и далѣе по этой послѣдней рѣкѣ къ Уссурийской желѣзной дорогѣ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, съ прекращеніемъ вегетационнаго періода, когда флора стала замирать и блекнуть, Г. Пальчевскій оставилъ отрядъ и съ р. Санхобэ на парусной случайной шхунѣ уѣхалъ во Владивостокъ, для работъ по своей специальности.

Во время этого послѣдняго маршрута жестокая снѣжная пурга захватила путниковъ на самомъ перевалѣ черезъ Сихота-Алинь. При отсутствіи лыжъ движеніе по глубокому снѣгу чрезвычайно затруднялось. Люди сильно уставали и еле волочили ноги. Съ большими лишеніями, съ огромной затратой физическихъ силъ, только на шестнадцатый день они дошли до перваго охотничьяго китайскаго поселка Судатунъ, гдѣ и нашли пріютъ и отдыхъ. Тутъ незамѣнимую услугу оказали имъ орочи-кекари (Удэхэ). Эти инородцы снабдили путешественниковъ обувью, рукавицами и продовольствіемъ (сухой рыбой и мясомъ). Не смотря на то, что навигація у нихъ была уже закончена и лодки ихъ вытасцены на берегъ, не смотря на то, что по рѣкамъ уже шель ледъ, орочи все же спустили свои лодки на воду и везли ихъ до тѣхъ поръ, пока скопившіеся льды въ одномъ мѣстѣ на поворотѣ рѣки совершенно не преградили дорогу. Едва лодки остановились, какъ тотчасъ же сзади нихъ вслѣдствіе быстроты теченія скопилось множество льда. Въ мгновеніе ока обѣ лодки были раздавлены. Люди спаслись отъ гибели только чудомъ, благодаря рѣшительности, ловкости и находчивости орочей. Бросивъ разбитыя лодки, путешественники пошли дальше пѣшкомъ съ котомками за плечами. Пробираясь по тайгѣ безъ дорогъ и тропъ по снѣгу отъ одного ороческаго стойбища до другого, маленькій отрядъ только въ ноябрѣ мѣсяцѣ достигъ перваго русскаго населенія «Котельнаго» (въ 75 верстахъ отъ желѣзной дороги). Срокъ этой экспедиціи былъ 190 сутокъ.

Экспедиція 1907 года является, какъ бы продолженіемъ работъ 1906 года ¹⁾. На этотъ разъ въ путешествіи принимаетъ

¹⁾ Приказъ войскамъ Приамурскаго военнаго округа 9 іюля 1907 г. № 304.

участіе флористъ Г. Десуляви, Н. А. Отрядъ прибылъ изъ Владивостока въ заливъ Пластунъ и отсюда направился въ глубь страны. Сильные дожди и недостатокъ продовольствія не позволили перевалить черезъ Сихота-Алинь со стороны р. Синанцы къ Иману и потому, пройдя прямо къ бухтѣ Терней (конечный пунктъ въ 1906 г.) экспедиція продолжала свои изслѣдованія по рѣкамъ Биленбэ, Такема, Асамагу, Кулумбэ и Сооми. Такъ какъ въ программу экспедиціи входило также и обслѣдованіе западныхъ склоновъ и отроговъ Сихота-Алиня, то поэтому Г. Арсеньевъ перевалилъ черезъ водораздѣлъ—спускался по однѣмъ горнымъ рѣчкамъ и возвращался назадъ по другимъ, сообразуясь каждый разъ съ временемъ года, силами и запасами продовольствія, которые не могли быть большими, такъ какъ все свое имущество и инструменты людямъ приходилось нести на себѣ въ котомкахъ. На этотъ разъ, не смотря на самое разсчетливое и внимательное снаряженіе, вслѣдствіе разлива рѣкъ, путники хватили тяжелую голодовку. Чтобы не умереть съ голоду—ѣли кожу; мелко, какъ лапшу крошили они ее и глотали.

Измученные, обезсиленные и больные они едва дотащились до моря. Выброшенные прибоемъ моллюски, морская капуста и маленькіе береговые крабы—дали возможность продержаться нѣсколько сутокъ.

Въ такомъ тяжеломъ положеніи нашель ихъ на берегу близъ устья р. Кулумбэ командиръ отряда миноносцевъ Капитанъ 2-го ранга П. Г. Тигерstedтъ. Обезпокоенный долгимъ отсутствіемъ Г. Арсеньева онъ на миноносцѣ «Грозный» отправился на поиски вдоль побережья моря. Ночью Тигерstedтъ увидѣлъ огни, подошелъ къ берегу и выслалъ лодки. Отдохнувъ немного на р. Амагу, Г. Арсеньевъ пошелъ дальше и осенью въ началѣ октября дошелъ до р. Кусуна. Отсюда надлежало идти на западъ черезъ хребетъ Сихота-Алинь къ р. Уссури. Большая часть имущества и запасы продовольствія везлись моремъ на лодкѣ, а люди шли по намывной полосѣ прибоя пѣшкомъ. Во время этого пути недалеко отъ рѣки Кусуна лодку совершенно неожиданно унесло бурей далеко на сѣверъ къ Императорской гавани. Между тѣмъ зима надвигалась. Наскоро тутъ же на берегу моря изъ буреломнаго лѣса и плитнякаваго камня застигнутые въ расплохъ путники сдѣлали себѣ маленькія землянки. Безъ теплой одежды и безъ запасовъ продовольствія они рѣшили зимовать и добывать себѣ пропитаніе тѣмъ, что найдутъ около моря. Съ чрезвычайными

трудностями лодка вернулась на рѣку Кусунь лишь около 20 ноября. Въ это время по рѣкамъ шель уже ледъ. Пришлось ждать, когда рѣки окончательно встанутъ. Только 5-го декабря явилась возможность двинуться въ дорогу.

Послѣдній маршрутъ экспедиціоннаго отряда былъ по р. Кусуну и далѣе по его притоку р. Уленгоу, черезъ хребетъ Сихота-Алинь въ бассейнъ р. Бикина, въ верхнемъ его теченіи. Долгое невозвращеніе экспедиціи въ Хабаровскъ вызвало со стороны Приамурскаго Генералъ-Губернатора опасеніе за ея участь. Въ декабрь того же года по его приказанію была спѣшно снаряжена новая экспедиція, которой поручалось съ запасами теплой одежды и продовольствіемъ идти на розыски пропавшей экспедиціи. Этотъ отрядъ подъ начальствомъ подпрапорщика Мерзлякова поднялся вверхъ по р. Бикину верстъ на сто. Встрѣча обоихъ отрядовъ произошла въ началѣ Января 1908 года въ китайскомъ селеніи Сигоу. Срокъ этой экспедиціи 210 сутокъ. Хребетъ Сихота-Алинь пройденъ 4 раза.

Снаряженная въ 1909 году Приамурскимъ Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Юбилейная экспедиція въ память 50-ти лѣтняго присоединенія Приамурскаго края Россіи Графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ ¹⁾ работала въ сѣверной части Уссурийскаго края, въ области, границами которой были съ одной стороны побережье Татарскаго пролива, съ другой—рѣка Амуръ и низовье рѣки Усури, съ юга—рѣки Самарги, Хоръ и на Сѣверѣ озеро Кизи.

Въ этихъ мѣстахъ горная область Сихота-Алиня, являлась водораздѣломъ между бассейнами рѣкъ: Тумнина, Копи и Самарги, текущихъ въ море и бассейнами рѣкъ Хунгари, Хора и Анюя, несущихъ свои воды къ Амуру, не смотря болѣе чѣмъ на полувѣковой періодъ, отдѣляющій наше время, отъ того времени, когда русскіе впервые вступили на эту землю—есть территория, къ которой болѣе чѣмъ примѣнимо выраженіе «terra incognita».

Дѣйствительное теченіе рѣкъ, положеніе водораздѣловъ и истинное протяженіе параллельныхъ горныхъ хребтовъ до неузнаваемости измѣняютъ карту, изданную въ 1888 году въ 40 верстномъ масштабѣ.

¹⁾ Приказъ войскамъ Приамурскаго военнаго округа отъ 24-го іюня 1908 года № 312.

Цѣль экспедиціи естественнoисторическая. На этотъ разъ участіе въ экспедиціи принялъ опять Десуляви, Г. Гусевъ (физическая географія) и въ качествѣ любителя пристроился охотникъ Г. Дзюль, затѣмъ нижніе чины: сибирскіе стрѣлки и казаки въ числѣ 12 человекъ.

Насколько Южно-Уссурийскій край богатъ путями сообщеній, настолько въ сѣверной его части они отсутствуютъ совершенно. На югѣ существуютъ и желѣзные дороги и почтовые тракты; грунтовые и обыкновенныя проселочныя дороги и безчисленное множество тропъ бороздятъ край по всѣмъ направленіямъ.

Тропами Южно-Уссурийскій край обязанъ китайскимъ охотникамъ. Въ погонѣ за соболемъ и въ поискахъ за жень-шенемъ энергичные сыны Небесной Имперіи проникали въ самыя дебри Да-Дянь-Шань и Сихота-Алиня.

Въ каждой долинѣ въ глухихъ горахъ, въ любомъ ключикѣ всегда можно найти тропинку, которая непременно приведетъ путника къ маленькой звѣровой фанзочкѣ соболевщика китайца. Не то представляютъ собою центральная и сѣверная части Уссурийскаго края. Тутъ нѣтъ даже малѣйшаго намека на тропинку. Всякія дороги отсутствуютъ. Только вдоль горныхъ хребтовъ по гольцамъ и осыпямъ лоси протоптали свои дорожки, но руководствоваться ими нельзя, ибо онѣ заведутъ въ такія дебри, откуда назадъ выбраться будетъ уже невозможно.

Если мы проведемъ прямую линію отъ Хабаровска къ хребту Сихота-Алиня, на широтѣ истоковъ Вай-Фудина и отсюда проведемъ ее вдоль берега къ мысу Олимпіады,—то этой линіей мы раздѣлимъ Уссурийскій край на двѣ неравныя части: меньшая—долина р. Усури, низовья Хора, Бикина и Имана, верхнее теченіе Усури, вся южная часть страны и узкое побережье моря до р. Кузнецовой—будетъ область, сравнительно заселенная тазами, гольдами, корейцами, китайцами и русскими переселенцами. Вся же центральная часть страны и всѣ обширнѣйшіе сѣверные раіоны кромѣ Амура, Императорской Гавани и Де-Кастри, представляютъ собою «Лѣсную пустыню». Цѣлыми недѣлями можно идти и нигдѣ не встрѣтитъ ни единой души человѣческой. Только по большимъ рѣкамъ можно еще кое гдѣ найти крытыя корьемъ и берестой, полуразвалившіяся юрочки орочей-Удэхе. Но этихъ инородцевъ такъ мало и стойбища ихъ такъ разбросаны и такъ далеко отстоятъ другъ отъ друга и,

наконецъ, мѣста обитаній ихъ такъ непостоянны, что на эту встрѣчу не всегда можно рассчитывать.

Во время этой экспедиціи путешественники самую жестокою голодовку перенесли лѣтомъ 1908 года на р. Хуту. Здѣсь погибла у нихъ лодка со всѣмъ имуществомъ, оружіемъ, патронами и снаряженіемъ. Предвидѣть ея крушеніе никакъ было нельзя. Эта голодовка длилась 21 сутки. Пробираясь черезъ горы, тайгой черезъ заросли, люди ѣли все, что попадалось подъ руки: зеленныя ягоды, листья *Petasites*, ѣли не то мохъ, не то грибы, изъ сем. *Clavaria*, отъ которыхъ тошнило и т. д. По дорогѣ нашли гнилую рыбу, она издавала запахъ, съѣли и ее. Наконецъ маленькій отрядъ дотащился до сліянія двухъ рѣкъ Хуту и Буту. Здѣсь люди окончательно обезсилили и свалились съ ногъ. Надо было видѣть какой они имѣли истощенный видъ! Это были настоящіе скелеты. Всѣ были сумасшедшіе, всѣ были душевно больные. Всѣ ссорились между собою изъ за всякаго пустяка, придирались другъ къ другу изъ за всякой мелочи. Всѣ стали суевѣрны, начали вѣрять всякому сну, каждой примѣтѣ. Слабые духомъ стали говорить о самоубійствѣ. Съ Г. Арсеньевымъ была любимая его собака, собака эта въ теченіи восьми лѣтъ была съ нимъ во всѣхъ его предыдущихъ путешествіяхъ. По его приказанію она была убита, мясо ея давалось людямъ ежедневно по маленькому кусочку и это было общимъ спасеніемъ. Черезъ три недѣли пришла помощь. Опоздай еще встрѣчный отрядъ сутокъ на двое или на трое и вѣроятно, половины людей не досчитались бы живыми. Двѣ недѣли послѣ этого всѣ болѣли. Истощенный организмъ и отвыкшій желудокъ отказывались принимать пищу. Только въ концѣ сентября люди оправились на столько что были въ силахъ продолжать свое путешествіе.

Самый тяжелый маршрутъ былъ послѣдній отъ Императорской Гавани къ городу Хабаровску. Это было зимой 190⁹/₁₀ гг. По мѣрѣ движенія къ сѣверу отрядъ таялъ все больше и больше. Кто заболѣлъ, кто окончилъ срокъ службы и ушелъ въ запасъ арміи и т. д. Люди эти были отправляемы или изъ Императорской Гавани, или залива Де-Кастри, или съ рѣки Амура, каждый разъ со случайными попутными оказаніями. Такимъ образомъ Г. Арсеньевъ въ концѣ концовъ остался только съ двумя сибирскими стрѣлками. И вотъ втроемъ одни безъ проводниковъ, они пошли въ горы. Выступилъ г. Арсеньевъ отъ

моря въ концѣ октября 1909 года, а вышелъ къ Амуру только 11 января 1910 г. Семьдесятъ шесть дней пути—и всѣ семьдесятъ шесть дней на лыжахъ. Каждый изъ нихъ троихъ тащилъ нарту съ коллекціями, инструментами и продовольствіемъ. Зима была крайне суровая, снѣжная. Бури сопровождали всю дорогу. Снѣга выпали глубокіе (до 1 метра). Начальникъ экспедиціи считывалъ, что гольды выйдутъ на охоту за соболемъ и что онъ встрѣтитъ ихъ послѣ перевала черезъ Сихота-Алинь и воспользуется проложенной ими дорогой, но они совсѣмъ не вышли и потому имъ самимъ пришлось протаптывать дорогу до самаго Амура.

О глубинѣ выпавшаго снѣга можно судить по тому, что для того, чтобы набрать дровъ для костра или сходить за водой къ проруби рѣки на разстояніи двухъ или трехъ сажень, надо было одѣвать лыжи.

Перейдя водораздѣлъ путешественники стали бивуакомъ въ узкомъ ущельѣ. На разсвѣтѣ случилось небольшое землетрясеніе и произошелъ снѣжный обвалъ—палатку завалило. Къ счастью всѣ люди были снаружи (укладывали нарты). Все время надо было опасаться за палатку. Старенькая ветхая она обдымилась и расплзалась по всѣмъ швамъ—ее починали чѣмъ попало. Эта ветхая палаточка была единственной защитой отъ ночныхъ морозовъ (36° С.)—единственное спасеніе. Болѣе всего путники терпѣли недостатокъ въ обуви. Купить негдѣ—людей нѣтъ. Рвали полы полушубковъ и лоскутьями ихъ починали унты (инородческая обувь). Порожній мѣшокъ изъ подъ сухарей пошелъ на починку одежды.

Собаки взятыя съ собою (по двѣ въ нарту въ помощь чело-вѣку) всѣ подошли съ голода. Собачью юколу сберегли для людей. Четыре дня прокормились ею, потомъ посчастливилось убить небольшую выдру. Мясо ея растянули на шесть сутокъ, затѣмъ убили маленькую молодую рысь;—и лапы и внутренности ея все было съѣдено. 31 декабря ничего уже не ѣли. Въ довершеніе несчастья заночевали безъ дровъ. Эту праздничную ночь провели мучительную тоскливую. На другой день 1 января 1910 года нашли первыхъ людей—это были орочи. Велика была радость. Это былъ настоящій праздникъ! Срокъ этой послѣдней экспедиціи 19 мѣсяцевъ. Изъ нихъ на дневки ушло 4 мѣсяца 6 дней и 14 мѣсяцевъ 24 дня—на чистые маршруты. На этотъ разъ хребетъ Сихота-Алинь перейденъ въ 7 мѣстахъ.

Во время экспедицій произведены слѣдующія работы: Маршрутныя съемки съ помощью буссоли Шмалькальдера и шагомѣра, причемъ шагомѣръ вымѣрялся рулеткой для того, чтобы имѣть масштабъ шагомѣра. Всѣ съемки въ числѣ 39 листовъ (Ватманской бумаги) сданы въ штабъ Приамурскаго военнаго округа. Производились работы по астрономическому опредѣленію пунктовъ съ помощью круга Пистора съ ртутнымъ горизонтомъ и съ хронометрами. Опредѣлено 33 пункта. Высоты измѣрялись гипсометрами. Для метеорологическихъ наблюденій имѣлись: барометры—анероиды, термометры для измѣренія температуръ воздуха, воды, температуры на поверхности земли и въ землѣ, гигрометръ, анемометръ, флюгеръ и для геологическихъ работъ—горный компасъ.

Весь свой матеріалъ Г. Арсеньевъ дѣлитъ на три части. Одну часть онъ намѣренъ обработать самъ (метеорологія, физико-географическія описанія маршрутовъ, этнографія: ороциудэхе и китайцы) другую часть онъ можетъ обработать съ помощью ученыхъ специалистовъ (зоологія, ботаника, геологія) и третью часть можетъ передать только въ распоряженіе ученыхъ въ дополненіе такого же матеріала, имѣющагося въ ихъ распоряженіи (черепя орочей и антропометрическія измѣренія живыхъ людей).

Собранныя коллекціи распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 1) Военно-географическое и военно-статистическое описаніе страны сдано въ Главное Управление Генеральнаго Штаба. Военное вѣдомство ассигновало деньги на печатаніе этого отчета; 2) Ботаническіе сборы, сдѣланные членомъ экспедиціи Г. Десуляви переданы въ Императорскую Академію Наукъ Г. Литвинову и въ Императорскій Ботаническій садъ въ г. Петербургѣ; 3) Шкурки птицъ переданы Г. Арсеньевымъ Г-ну Бутурлину; 4) Опредѣленіе рыбъ любезно взялъ на себя Л. С. Бергъ; 5) Геологическій матеріалъ переданъ Г. Г. Эдельштейнъ и Анертъ; 6) Насѣкомыхъ согласно ранѣе даннаго обѣщанія—Г. Каховскому съ просьбой распредѣлить ихъ между энтомологами по специальностямъ; 7) Профессоръ А. И. Воейковъ, г-да А. И. Совѣтовъ, Г. Шипчинскій дали указанія, какъ поступить съ дневниками метеорологическихъ наблюденій и 8) Провѣрку астрономическихъ вычисленій взялъ на себя Г. Ахметьевъ въ городѣ Хабаровскѣ.

Всѣ матеріалы, собранныя Г. Арсеньевымъ за время одиннадцатилѣтняго пребыванія въ краѣ и записи его въ дневни-

кахъ, веденныхъ за время путешествій, ждутъ еще полной обработки, къ которой въ настоящее время приступилъ уже Г. Арсеньевъ и которая можетъ быть имъ совершенно закончена въ 1912 и 1913 году.